

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Харламов Александр

Княжья Печать

Александр Харламов

Княжья Печать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42134533

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-09627-1

Аннотация

Мир Пяти Княжеств настигла беда. Их спокойное существование нарушила смерть последнего Великого князя. Кто теперь объединит их земли под единой рукой? Кто защитит народ от козней воскресшего демона Мамона? Да еще и пропала Княжья Печать, которая назначает наследника трона. Как быть? И при чем тут наемник из ордена охотников за нечистью? Мой новый роман в жанре фэнтези. В оформлении обложки использована иллюстрация с сайта [pixabay](http://pixabay.com).

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	4
2	7
3	20
4	39
5	49
6	53
7	73
8	89
9	102
Конец ознакомительного фрагмента.	110

1

Пролог

— В стародавние времена пришла к нам беда, внучок, откуда не ждали,— дед горестно покачала седой головой, закулив терпкий трубочный табак. Рядом с ним устроился, уютно скрестив ноги по-басурмански маленький Ярослав, с раскрытым ртом внимающий сказке,— пришли на наши земли орды Мамоновы, сожгли огнем деревни наши, угнали в полон за Агейское море женщин наших, казнили многих достойных людей. Ужас и страх пришли в наш мир, разрушив основы основ. Княжества погрязли в междоусобицах, и никто нас не мог защитить от кошмара творящегося на грешной земле,— серые глаза старика подернулись пеленой, словно воспоминания доставили ему непереносимую боль,— боги отвернулись от нас, а вся нечисть повылазила из болот и оврагов, став на сторону демона Мамона, стремящегося захватить Стибор. Долго длилась война. Много жизней унесла она на полях сражений, в междоусобных войнах, колдовских битвах. И обратились тогда семь князей к колдуну могучему за помощью, чтобы выбрал он из них первого среди равных, лучшего среди лучших, дабы объединить народ Стибора и дать ему достойный отпор, прогнав клятую нечисть с земли нашей. Изготовил чародей Печать Княжью, кого печать вы-

берет своим хозяином, тому быть и властителем Семи Княжеств...

– И кого же она выбрала?– с придыханием спросил внук.

– Выбрала Печать князя Горислава богатыря могучего, воина храброго и отважного, сумевшего уничтожить орды Мамоновские и вернуть мир в Стибор. Битва была страшная, много голов полегло тогда, красным от крови стало море Агейское...

– А потом? Что стало потом с Княжьей печатью, дедуля?

– Печать та хранится отныне в княжеском тереме. Приходит срок, и снова она выбирает Великого Князя, достойного править Стибором!

– А Мамон? Демон, пытавшийся захватить наш мир? Что произошло с ним?

– Сошлись на поле брани Горислав и Мамон в схватке беспощадной лицом к лицу, Бились три дня и три ночи, пока не отрубил мечом булатным демону богатырь наш обе лапы когтистые...

– Наши победили!

– Победили-то наши, внучок!– покачал головой дед.– Только обратился демон в тот момент туманом черным и исчез в неизвестности. И никто о нем, с той поры, ничего не слышал, и видеть его не видел...

– То есть он может вернуться?– дрожащим голосом спросил мальчишка.

– Не завидуя, я тем, кто увидит его возвращение...– согла-

сился старик.— Ибо вернется он еще сильнее, чем был раньше. И страх посеет в Стиборе, убив многих...

Запах ладана медленно расплывается по всей княжеской светлице, смешиваясь с густым ароматом плавящегося воска. В комнате душно, но Великий Князь укрыт теплым одеялом и шкурой медведя. Его лихорадит и потряхивает от высокой температуры. Глаза полуприкрыты, он жалобно стонет и сквозь плотно сжатые губы еле доносится неразборчиво:

– Позовите жрица...

Марфа – дворовая девка, приставленная присматривать за стариком тут же бросается прочь, сообщая гридням, стоящим на входе, кого хочет видеть Великий Князь. В светлице толпится куча разномастного народа, от богатых купцов, до самого наследника – молодого княжича Бориса, стоящего в стороне, низко опустив голову. Его губы что-то шепчут что-то неразборчивое, а глаза отсвечивают желтым блеском зажженных свечей.

– Великий Князь желает видеть Верховного жрица! – громко провозгласила Марфуша, ныряя обратно в комнату.

С трудом, пробравшись сквозь толчею людей, за порог княжеской опочивальни ступил худой скуластый мужчина с длинным горбатым носом и узенькой клиновидной бородкой. Его желтые, по-кошачьи узкие глаза с трудом привыкли к полумраку, царившему внутри, он поморщился и сделал несколько шагов к кровати Великого Князя. Одет он был в

длинную рясу до пола, а в руках у него покоилась небольшая чаша с курящимися травами.

– Рад видеть тебя, Великий Князь, – провозгласил жрец, и голос у него оказался на редкость скрипучим и жестким, будто открывали давно не смазанную калитку.

– И я, Рогвольд... – прошептал князь, попытавшись подняться на пуховой подушке, но без сил рухнув обратно. Жрец хладнокровно отметил неестественную бледность государя, синюшные губы и замедленную речь. Каждое слово повелителю Стибора давалось с большим трудом, он, словно, выталкивал из себя необходимые слова.

– Оставь нас... – коротко бросил жрец Марфе, даже не обернувшись, уверенный в том, что его приказ беспрекословно выполнят. Девка тут же кивнула, шмыгнув в соседнюю комнату.

– Ты призвал меня... – начал Рогвольд, присев на краешек постели, поправив медвежью шкуру, почти сползшую на пол.

– Я... я... умираю... – пробормотал Великий Князь Стибора непослушными губами.

– Это не страшно! – кивнул жрец, махнув над повелителем своим кадиллом. – Скоро ты отправишься в Царство Светлого, который приютит тебя и обогреет. Там ждут тебя блага, о которых в этой жизни ты мог только мечтать.

– Что мне... старику... надо? – слова давались с трудом. Огонь лихорадки выжигал Князя изнутри, заставляя выдавливать из себя по букве.

– Покой, Князь! – улыбнулся жрец своей неприятно улыбкой с желтыми кривыми зубами. – Всем в твоём возрасте нужен покой...

– Верно... – рассмеялся повелитель Стибора, захлебнувшись тугим кашлем. – Я устал...

– Ты хочешь исповедаться перед тем, как предстанешь перед ликом Светлейшего? – уточнил жрец.

– Не хочу! Грехи мои он и без исповеди знает! Зачем... зачем его лишний раз тревожить? – князь сделал невероятное усилие, перевернулся на бок и полез под подушку.

– Тебе помочь?

– Я сам... – рухнул обратно, вытянув вперед высохшую от болезни ладонь с густыми канатами выступивших почти черных вен. В его руке лежал золотой перстень, украшенный Трехголовым змеем. На желтом золоте отчетливо были заметны следы чернил.

– Возьми... – прошептал он, прикрывая глаза. Не было сил терпеть тусклый свет свечей, бьющий по глазам не хуже огня дозорного костра. – Возьми...

– Что это? – прикинулся неосведомленным жрец, скосив глаза ему на ладонь.

– Это та самая Княжья печать... Много лет назад твои братья изготовили ее для того, чтобы спасти мир от злобного демона Мамона, выбрав Великого среди лучших. Теперь мое время прошло. Я хочу, чтобы она вернулась к тебе...

– Зачем? Ты же знаешь, княже, – поморщился Рогвольд, –

что жрецы не имеют право править Стибором? Так было, так будет... Вечно!

— Знаю... Но мой сын слишком мал и неразумен. Борис не готов провести выборы. Его просто сомнут... Моя воля такова... — этот непростой разговор отнял у князя последние силы. Рука дрогнула, и перстень скатился вниз, негромко перекатываясь по деревянному полу. Рогвольд торопливо схватил его, не дав закатиться под сундук. Бережливо сдул невидимые глазу пылинки, и его глаза блеснули алчным огнем, которого Великий Князь уже не увидел. Его тело вдруг выгнулось дугой. Он захрипел, пытаясь втолкнуть в себя последние крохи воздуха, и затих, широко распахнув испуганные глаза, бессмысленно смотрящие куда-то вдаль. Может, они уже видели райские сады Светлейшего или кипящие котлы Анчибала? Кто знает? Жрец хмыкнул, торопливо спрятав печать в карман, скрытый в плотных складках длиннополой рясы.

— Покойся с миром, княже! — прошептал он, закрывая своими сухими тонкими пальцами безжизненные глаза. — А я уже приемнике позабочусь...

Он хмыкнул задумчиво и медленно и торжественно, напустив на свое мрачное лицо торжественно-печальное выражение. Вышел из опочивальни. На него сразу же уставились сотни жадно ждущих чего-то глаз глаз, будто лишь он мог сообщить им только ему известную новость. Посланник Кижы хитро улыбался, прищуренным взглядом. Он уже обо всем

догадался.

– Батька...– прошептал Борис.

– Великий Князь скончался!– торжественно объявил жрец, склонив голову, став по стиборскому обычаю на одно колено, прижав правую руку в груди. Зашелестела одежда. Пышный двор последовал примеру священнослужителя.

– Батька!– закричал Борис, бросаясь в опочивальню, откуда уже были слышны приглушенные рыдания дворовых девок и вопли Марфы.

– Что ж теперь-то?– пронесся по светлице напряженный шепоток.

– Как же так-то?– изумился купец Матвей Борода, подняв седую голову.

– Как же мы без княжушки нашего...– заплакал, по-бабьи обхватив голову, дьячок Паисий.

– Не долго месту пустовать!– отрезал коротко князь Иды, блеснув острым, как клинок взором.

– Неужто, и ты претендуешь на Княжью Печать?– хмыкнул повелитель Агеи – портового города, находящегося на самом берегу Агейского моря.

– А если бы и так?– насупился идовский князь.

– Да то, что этому не бывать!– отрезал зло, сжав кулаки, Агейский владыка. – Что у тебя в твоей Идее-то есть? Река, да рыба? Так рыба есть и у меня...

– Ах, ты...– разозлился его собеседник, бросаясь на оппонента с кулаками.

– Побойтесь Светлейшего!– прокричала посланница Езиды – княжества, где в отличие от остальных правила только женщины, и царил матриархат.

– Батяка!– раздался отчаянный крик Бориса из опочивальни Великого Князя. Жрец поморщился и пошел прочь, расталкивая толпящихся людей, ошарашенных неожиданно свалившимся на них горем.

– Постой, Рогвольд!– донесся ему в спину голос посланника Кижя.

Жрец медленно обернулся, нацепив на лицо самую благочестивую маску, на которую был способен, но его желтые глаза жестко улыбались. Он понимал, о чем будет идти речь и был готов к непростому разговору, и посланник его не обманул.

– Где Княжья Печать?– без перехода спросил он, выразительно косясь на свой двуручный меч, висевший на поясе.

– Откуда ж мне знать, господин Посланник?– сделав удивленные глаза, поинтересовался жрец.– О том известно лишь Великому Князю...

– Издеваешься?– нахмурился советник.

– Помилуй, Светлейший, в чем же тут издевка?– искренне удивился Рогвольд.– Великий Князь – является хранителем Княжьей Печати – знака высшей власти на нашей грешной земли. О ее местонахождении известно, лишь ему одному...

– Тогда зачем он позвал тебя?

– Ты решил, что он отдал мне Печать?– рассмеялся жрец.

– Иначе зачем? Ведь лучше тебя – нет варианта! Жрицы светлейшего не могут претендовать на корону...

– Вот видишь, мой дорогой,– улыбнулся, осенив чашкой с почти потухшими травами посланника, Рогвольд,– ты не хуже меня все знаешь...К чему этот разговор?

– Но...

– Князь решил исповедаться, ощутив, что скоро отправиться к праотцам,– уже раздраженно пояснил жрец,– во время исповеди он и скончался! Больше ни о чем, мы с ним не говорили...

– Рогвольд!

– Прощай...– жрец резко развернулся и оставил в коридоре одного посланника Кижя, который долго смотрел ему в след, буравя суровым и недовольным взглядом сгорбленную спину.

В храме Светлейшего было пустынно. Ближе вечеру огромный просторный зал наполнится верующими, пришедшими на вечернюю молитву. Будут слышны голоса, песнопения и гореть свечи, а сейчас место перед алтарем, отмывая от крови, оставшийся после последних жертвоприношений мыли две служки, негромко переговариваясь. Заметив Рогвольда, они почтительно вскочили припав на колено, приложив открытую ладонь к правой груди.

– Да благословит вас, Светлейший! – проговорил жрец, кивая на фигуру мужчины в доспехах, установленную в самом центре храма.

– И засияет его вера над нами!– хором привычно откликнулись служки.

Кивнув им напоследок, Рогвольд быстро поднялся к себе в келью. Лежащая в кармане Княжьей Печати жгла карман. Едва добравшись до узкой комнаты с аскетичными плохо обструганными нарами в углу и небольшим столиком с горящей свечой подле фигурки Светлейшего, он задвинул засов, облегченно выдохнул, рухнув на кровать. Его мелко потряхивало от волнения. Вспомнив о чем-то, он выложил знак власти на стол. В свете свечи золото отливало краснотой, будто этот перстень впитал всю ту кровь, которую пролили на земле до того, как стали выбирать правителей с помощью него. Украшение завораживало. С придыханием и великим почтением Рогвольд коснулся его, провел пальцем с грязным обгрызенным ногтем по его гладким граням. Восхищенно причмокнул, оценив мастерство колдуна, изготовившего сей шедевр.

– Прекрасно...– прошептал он, уперев немигающий взор в трехглавого змея, мастерски изображенного на Печати.– Просто великолепно...

Неожиданно повеяло запахом влажной земли. Холод проник под теплую рясу, коснувшись мимолетно спины, заставив бежать по ней сотням мурашек. Рогвольд вздрогнул и испуганно отдернул руку от Княжьей Печати.

– Рогвольд!– приглушенный голос доносился откуда-то снизу.

Жрец пошарил свободной рукой под кроватью, выудив оттуда зеркало в черной деревянной оправе. По полированной поверхности плавали какие-то мало понятные тени и клубки густого тумана. Изображение зарябило, формируясь в бесформенное лицо, на котором невозможно было разобрать ни носа, ни рта, лишь горящие красными языками пламени широко распахнутые глаза. Туман заколыхался, выплевывая вполне из себя человеческие фразы.

– Тебе это удалось, Рогвольд!– одобрительно зашелестела тьма, клубящаяся внутри зеркала. В коридоре раздались чьи-то шаги, и жрец почти мгновенно спрятал таинственное переговорное устройство под подушку, набитую хвойными иголками.

– Что ты...

– Тсс!– прошептал Рогвольд, доставая зеркало обратно.– Господину известно, что служителям Светлейшего запрещено иметь зеркала. Считается, что они вмещают в себя тьму!

– Ха-ха-ха!– расхохотался туман.– Интересная идея... Так тебе удалось?

– Печать у меня,– проговорил Рогвольд с легким поклоном.

– Покажи...– туманно резко дернулся, словно намериваясь выпрыгнуть из тесных оков оправы.

– Вот...– золото блеснуло в темноте, доставив тьме, царившей в зеркале заметное удовольствие.

– Отлично! Доставь ее...

– Вы сделаете, что обещали?– с надеждой в голосе спросил Рогвольд, пряча Печать обратно.

– Освободить тебя от сана жрица Светлейшего?– уточнил туман.

– Да...

– С удовольствием! Только доставь мне ее...

– Я служу вам, мой господин!

– Принеси!

– В паре верст от столицы Кижы есть роща, в ней живет старик, отдашь Печать ему!– повелела тьма.

– Да, мой господин! Низко поклонился жрец.

– И смотри...Мне нужна она, чтобы вернуться...

При этих словах туман начал рассеиваться, разрываясь на клочья, постепенно исчезая за деревянной оправой, уступая место нормальному отражению Рогвольда.

– Да поможет мне...– начал было привычную молитву жрец, но осекся, сомневаясь, стоит ли ждать поддержки в столь не богоугодном деле от идола, которому поклонялся всю свою жизнь с раннего малолетства.– Я постараюсь, господин!– промолвил он, воровато пряча Печать в свой карман.

После этого разговора он еще недолго пометался по комнате, собирая в заплечный мешок несколько полезных в дороге вещей, чутко прислушиваясь к голосам на заднем дворе, где горячо обсуждали смерть Великого Князя. В грубо сшитую холщовую ткань перекидывали теплые шаровары,

ряса с меховой подкладкой, шапка и фляжка с водой. Отдельно в белый платок он завернул кусок черного начинающего черстветь хлеба и луковицу, чтобы перекусить по дороге. Рогвольд огляделся по сторонам, словно прощаясь с тем местом, в котором провел почти всю свою жизнь. С того самого момента, как родители отдали его учиться богоугодному делу, вздохнул и преклонил колено, сквозь слезы, глядя на огонь в потускневшей лампадке. Сколько вечеров он провел, глядя на этот дрожащий язычок пламени, мечтая о власти, могуществе и приключениях? Сколько несбыточных надежд и планов выношено под этим неярким светом? Пришла пора исполнить их...

С вздохом Рогвольд встал с колен и решительно распахнул дверь, едва не разбив нос службе, прильнувшему к самому порогу его скромной келье.

– Тебе чего?– спросил жрец чуть дрогнувшим голосом. До последнего момента он надеялся, что его бегство останется тайной, и погоня будет организована с опозданием.

– Я...Понимаете...– замешкался служака.

– Тебе чего?– разозлился Рогвольд, сильной рукой затягивая его внутрь кельи.– Следишь за мной? Кто приказал?

Глаза слуги испуганно хлопали длинными ресницами, напоминая коровьи. Он и не думал сопротивляться.

– Кто?– растерянность жреца исчезла почти так же мгновенно, как и появилась. Он встряхнул службу, отбрасывая его в сторону. – Кто приказал следить за мной?

– Я...я просто шел спросить...Спросить будете ли вы вести вечернюю службу? – чуть заикаясь от накатившего на него ужаса, произнес служка.

– Врешь!– рявкнул жрец, нанося удар службе в лицо. В голове билась мысль, что он раскрыт, что весь его план пошел ко всем подземным богам и под дверями толпятся дружинники Князя. – Врешь!– еще один неловкий тычок запрокинул голову служки, из носа потекла кровь.– Кто?!– страх перед Мамоном – могущественным повелителем тьмы и его наказанием повернул что-то в сознании Рогвольда. Он с бешеной скоростью начал наносить удары ногой службе до тех пор, пока окровавленный кусок мяса не перестал стонать и не затих, забитый до смерти в углу.

– Врешь...– процедил Рогвольд, смахивая ладонью пот со лба, стараясь не смотреть в сторону мертвого слуги.

На шум никто не явился. Вечерняя молитва уже началась. По всему храму Светлейшего доносилось раскатистое пение жрица Аскольда.

Бежать...Мелькнула мысль. Жрец подхватил брошенный в пылу борьбы заплочный мешок, одним движением накинул его на плечи. Бежать...В коридорах было пусто. Молебен...Перепрыгивая через несколько ступенек сразу, Рогвольд выбрался на задний двор к конюшням. Приготовленный заранее жеребец стоял под седлом, меланхолично пощипывая траву вокруг коновязи.

– Ай, молодец! Ай, красавец!– погладил его по покатым

поджарым бокам Рогвольд.— Выноси меня...

Легким движением он запрыгнул седло и тронул поводья. Непривычно качнуло. Жрицы Светлейшего учились верховой езде, но, конечно же, не на уровне дружинников. Бежать...

Жеребец заржал и покладисто потрусил прочь, медленно набирая скорость в сторону Большого Тракта, ведущего далеко на Север, где таились, пряча свое истинное лицо среди почерневших деревьев и болот таинственные земли.

Я, если честно, был с самого начала против этой поездки. Заказ был копеечный, а опасность остаться навсегда в лесу близ княжества Киж – весьма вероятной, но Дед настоял, напоирая на то, что мне обязательно нужно тренироваться. Набираться необходимых умений. Если кратко, то охотиться за любой нечистой, которая только существует. Пришлось, скрепя зубами, согласиться. И вот я здесь...

Впереди меня высятся клиновидные башни столицы княжества – крепости Киж. Каждая из них похожа на раскрашенное яичко. Отливает то лазурью, то бурой кровью, то рыжей хной. Слюдяные окна, резные крыши башенок и наличников поражают нелепой праздничностью, которая совсем не к месту в этом холодном мрачном краю с одними лесами и болотами. Вокруг крепости высокий тын, сложенный из мореных дубов, заостренных кверху, будто пики. На паре из них торчат отрубленные головы с выклеванными воронами глазами, каркающими где-то неподалеку. Дед рассказывал, что в Киче законы довольно суровы, и за их нарушение можно запросто угодить на крепостную стену. Огромные ворота крепости, обитые редким в этих местах железом, распахнуты настежь, совсем уж приглашающе. Но мне надо чуть левее, где на берегу неглубокой речушки, на самом краю Большого Тракта, тянувшегося через все пять княжеств – главной арте-

рии нашего государства примостился постоянный двор «Викинг» – хозяин которого и обратился к Деду за помощью. Я скептически осмотрел покосившееся здание, кривой плетень вокруг него и соломенную крышу, сделав вывод, что постоянный двор на грани разорения. Недалеко от ворот с потускневшей вывеской паслись пара гнедых, и нигде не было видно суетящейся дворни. С вздохом я тронул поводья, направляя свою Красотку внутрь, уже примерно представляя за какие гроши мне придется работать.

Во дворе было пусто. Серая курица что-то задумчиво кле-вала в густой траве, косясь на меня желтым глазом. Я цыкнул на нее, прогоняя из-под копыт моей Красотки.

– Стой, где стоишь!– закричала мне из открытой настежь двери постоянного двора. В лицо ударил терпкий запах ладана и еще каких-то трав.

– А то, что будет?– поинтересовался я, поправив висящий кривую острую, как бритва саблю кочевников, висящую за спиной. К выбору оружия охотники, вроде меня, подходили с особым тщанием. У кого-то имелся тяжелый двуручный меч, способный снести волкодлаку голову одним ударом, кто-то предпочитал родной булат, кто-то лук со стрелами с серебряными насечками, а вот мне приглянулась легкая, но молниеносная сабля – любимое оружие степных кочевников.

– Стой, где стоишь, нечисть!– В оконный проем высунулось клиновидное острие стрелы. На нем я с удивлением рас-

смотрел насечки.

– Стоп!– поднял примирительно я руки.– Ссориться с моими будущими работодателями мне совсем не хотелось, тем более их убивать.– Я из варягов!– пояснил я, гордо вскинув голову.

В ответ раздался грубый смех, как назло долго не умолкавший.

– А я Святейший!– отсмеявшись, добавил мужской голос.

– Варяги – сильные храбрые войны. Двухметрового роста, увешенные оружием с ног до головы и выкрашенными синими висячими усами, а ты оборотень, поди...– разъяснил мне детский голос – звонкий, как золотые монеты. Ну что поделать, если роста я был среднего, мускулатурой не обременен, а усы никак не хотели расти, прорываясь на свет Божий жидким подобием, как и борода? Ну, не объяснять же это все? Уж, какой вышел.

– А хочешь, докажу?– с улыбкой спросил я, спрыгивая с кобылы.

– Стоять!– истерично прокричал мужской голос.

Я медленно пошел вперед, внутренне настроившись. Саблю доставать смысла не было, мне не хотелось убивать мирных селян, а вот доказать кто есть кто...

– Стоять!– в какой-то миг мои обостренные чувства почували, как палец соскользнул с тетивы. Стрела, с легким шипением разрезая воздух, отправилась мне прямо в грудь, намериваясь продырявить меня на первом же задании. Черта с

два! Я успел отклониться как раз вовремя, когда до незащищенной кольчугой груди оставались считанные сантиметры. Вильнул вправо, одновременно выбрасывая руку вперед, перехватывая стрелу, оставшуюся после неудачного выстрела у меня в руках. Нарочно коснулся серебряной насечки, чтобы пресечь дальнейшие слухи про нежить.

— Ух, ты!— обрадовано протянул детский голосок из постоянного двора.

— И, правда, варяг!— подтвердил мужской голос.

Ну наконец-то... Додумались! Поверили! Я отбросил в сторону стрелу и стал ждать. Из полутьмы сеней вышел крепкий дородный мужчина в красиво расшитой белой холщовой рубаше, подпоясанный узким туеском. В его мощных руках огромный дружинный лук смотрелся детской игрушкой. На поясе висел длинный кинжал в позолоченных ножнах, а сам мужик зарос густой косматой бородой по самые глаза, от чего вид имел довольно устрашающий и дикий. У его ног, прячась, топтался парнишка лет десяти, держащий впереди себя острый и тонкий стилет, а еще чуть сзади, выставив вперед рогатину, шептала молитвы Святейшему рано постаревшая бледная женщина, лет тридцати отроду. Вся семья по-прежнему была настроена довольно воинственно, отчего мне было несколько неуютно. Я оглянулся на Красотку, которая уже о чем-то мирно переговаривалась на своем лошадином языке со своими товарками, замершими у коновязи, а значит, даже если селяне решат меня посадить на ви-

лы, сбежать быстро не получится. Слишком уж далеко...

– Вы присылали письмо в Ватажку? – спросил я, стараясь немного их успокоить мирным разговором.

– Присылали,– уныло кивнул мужик. Только сейчас я заметил у него подергивающийся от постоянного стресса глаз и красные не выспавшиеся глаза. Досталось же им в последнее время, раз на первого попавшегося путника бросаются с рогатиной...

– Вот Общество и решило послать меня! – радостно объявил я.– Я – варяг!

– А я – Великий Князь!– буркнул недовольно мужик.

– Да правда!– почти крикнул я, поняв, что звучит это все глупо.

Эх...С глухим уханьем кинжал, мгновение назад висевший на поясе у мужика, оказался у него в руках, и попытался пропороть мне живот, секундой сократив расстояние между нами. Только великолепная реакция спасла меня от гибели и еще самое настоящее чудо. Тело среагировало на опасность само. Не зря меня столько лет в обители учили. Правая рука взметнулась за спину, а левая уже перехватила толстую кисть хозяина постоянного двора, попытавшегося меня уколоть. Я дернул ее, что было сил вниз, а потом в сторону, меняя резко направление. От чего мужик взвыл, теряя равновесие. Плавно выскочившая из ножен сабля ледяным острием коснулась поросшего волосами кадыка.

– Варяг!– признали меня.

– Варяг!– женщина расплакалась, и я был вынужден отпустить неудачливого рубаку, упавшего на землю, потирая вывернутую кисть.

– И, правда, варяг...– буркнул он, отряхиваясь.

– Я ж серебра коснулся?– удивился я, пряча обратно свою саблю.– Какая же нежить металл этот любит?

– Ох, паря, какой только нежити мы последнее время не навидались...– со вздохом произнес хозяин постоянного двора, приглашая меня внутрь избы.

– Все началось неделю назад...– начал свой рассказ Кирилл, когда мы уселись в просторной и уютной светлице, где в углу горел мягким теплым огнем огромный камин с потрескивающими дровами, а по углам комнаты висели медленно тлеющие факелы. Хозяйка Анна на скорую руку приготовила нам обед, состоящий из запеченной рыбы и груды овощей, многие из которых я не то что не видел, но и не пробовал. Здесь были и розовые малосольные огурцы и черная кижанская капуста в маринаде, и даже редкий гриб пуховик, имеющий нежный, почти неотличимый вкус свинины. Хлеб домашнего изготовления радовал поджаренной корочкой и сумасшедшим ароматом, а легкое вино из красных сортов винограда заставляло меня жадно глотать слюнки. Все это было щедро выставлено на стол, что заставило меня переменить мнение о платежеспособности новых клиентов. Паренек сидел неподалеку, делая вид, что играет какими-то выструганными из дуба богатырями, напряженно прислушива-

ясь к разговору взрослых, а жена вообще скрылась где-то в кладовой, но я своим чутким слухом слышал ее напряженное дыхание, доносящиеся из темноты соседней комнаты. Она, несомненно, стояла под дверью, подслушивая. Ну и пусть! В конце концов, не я сам сюда напросился. Они позвали! Так что пусть рассказывают.

— Встаю я, значит, утром, на двор по ветру сходить, смотрю, трава у Тракта, как седая за ночь стала. Сначала думал иней, а потом, глядь, а камни вокруг потрескались, будто изломал их великан какой своей могучей рукой в крошево мелкое... Испугался значит... В дом забегаю, меч хватать. Жена испуганная сидит, трясет ее, будто в лихоманке какой, ребенок плачет...

Паренек с неудовольствием посмотрел на своего отца. Ему-то уж точно казалось, что рассказывать об этом совсем необязательно, тем более воину, варягу, пришедшему из Обители им на помощь.

— Бросился я к окну, а там чудо по огороду ползет удивительное. Хвост змеиный, голова куриное, а тело жабы!

— Василиск!— кивнул понятиливо я.

— Ползет он, значит, по огороду, а вокруг него трава жухнет и словно инеем покрывается... Ну я и струхнул немножго! Не стал махать мечом. Отпустил чудище!— потупив глаза, пояснил хозяин постоянного двора.

— Правильно сделали!— похвалил я его.— Иначе превратились бы в камень и никто бы вам помочь не смог! Эта тварь

может обратить любого...

— С тех пор зачах наш трактир. Все меньше и меньше людей стало появляться в наших местах. Дурная слава пошла про них. В Киж,— он кивнул на окно, где через слюдяные окна смутно угадывались силуэты башенок столицы княжества,— теперь стараются ездить другой дорогой, через Кельские Болота, а мне остается только лишь пытаться выжить, да семью кормить! Вот я к вам в обитель голубя-то и послал... Вдруг чем старец поможет!

Ну Дед... Первая охота и сразу на василиска. Их в нашей Обители считали одними из самых опасных нелюдей, брали за их убийство двойную плату, да и то, не всегда соглашались на контракт. Мы, конечно, наемники, но и нам иногда хочется жить. А я, по варяжым меркам, еще стажер...

— И больше около тракта василиск не появлялся?— уточнил я, налегая на вкусную закуску, выставленную на стол.

— Как уполз, так и с концами...— кивнул Кирилл.

— А проезжих людей нет?

— За неделю один или два было!— хозяйка вышла из комнаты, в которой внимательно слушала весь наш разговор.— А так...

— Понятно...— задумчиво пробормотал я.— Значит логово его где-то чуть ниже по дороге!

От мысли, что я совсем недавно проехал по Большому тракту мимо самого настоящего василиска, побежали мурашки.

– Беретесь?– с надеждой в голосе спросил Кирилл.

Как же мне хотелось сказать нет! Светлейший, мне безумно хотелось отказать, но перед глазами возник сразу же образ Деда, который сурово хмурил свои косматые брови и твердил мне первую заповедь варяга:

– Мы призваны в этот мир, чтобы помогать людям! Отказав им, ты можешь толкнуть этих несчастных людей на путь ненависти... Тебе не жаль этого маленького паренька, играющего у твоих ног?

– Конечно, жаль...– кажется, я произнес это в слух, отгоняя видение учителя.

– Что вы сказали?– испуганно захлопала глазами хозяйка постоянного двора.

– Конечно, я согласен! Варяги призван в этот мир, чтобы помогать людям!– объявил я. Владельцы трактира облегченно выдохнули.– Куда уползла тварь?

– Сейчас покажу!

Мы вышли на задний двор, где все сразу стало понятно. По широкому огороду, упиравшемуся своим краем в перелесок, проходила узкая полоса серой потрескавшейся земли с засохшими садов-огородными растениями. Следы василиска вели куда-то вперед, оставляя за собой выжженную землю и потрескавшиеся камни.

– Вот так вот...– пробормотал Кирилл, указывая на испорченный огород.

Ну ладно... Хватит! Сердце бешено заколотилось от пред-

чувствия чего-то недоброго. Я вздохнул и шагнул на тропу, оставленную нечестью. Ступня, обутая в мягкий сапожок, тут же провалилась по самую щиколотку. Недавно прошли сильные ливни, и все вокруг теперь напоминало болота. Из-за большого количества лесов в Кije всегда так, мало солнца, снежная ранняя зима и частая слякоть.

— А дядя варяг нам поможет?— раздался у меня за спиной детский голосок.

— Конечно, поможет!— уверенно заявила хозяйка постоянного двора.

Еще бы... Либо погибну! А так хотелось не опозориться на своем первом задании. Следы привели меня к краю перелеска, где стало совсем уж жутковато. Поваленные деревья с опавшей корой наводили ужас, играя с моим и без того хорошо развитым воображением. Любой кряжистый дуб казался если не лешим, то уж точно каким-то страшным чудовищем из «Сказаний о пяти княжествах». Со вздохом я прошел чуть дальше. Решив, что не лишним было бы достать зеркало. Василиски страшны своим взглядом. Именно им они обращают все живое в камень, например, как вот эту белку с длинным когда-то рыжим пушистым хвостом, памятником застывшую на ветке. Я подошел поближе, зачем-то проведя ладонью по маленькой фигурке. Холодная... Черный любопытный глаз открыт, полный непередаваемого ужаса. Как я тебя понимаю...

Еще несколько шагов вперед! Следы свернули к Боль-

шому Тракту, выведя меня на широкую полянку, где василиск скорее всего отдыхал после очередных трудов – это был огромный квадрат сплошного камня и серой земли, на котором не росло ничего живого. Черные остовы загубленных деревьев образовали непроходимую чашу из завалов вокруг этого квадрата. На наваленной груде камней лежала добыча василиска. Повеселился он в окрестностях знатно! Тут валялись и богатырские шлемы, и дорогие мечи, лошадиные сбруи, золотые цепи, серебряные браслеты, луки и копья и среди всего этого многообразия почерневшие трупы хозяев этих сокровищ. От них исходил терпкий трупный запах, от которого сразу же затошнило. У части из них уже почти слезла вся кожа, а во внутренностях копались своими длинными носами вороны, которые тут же взлетели в небо, едва я сделал несколько шагов к драгоценностям. Вороны – посланцы тьмы, голуби – вестники света. Вспомнились мне слова учителя.

– Да уж... – пробормотал я, отворачиваясь в сторону, чтобы не вдыхать трупные яды.

Один из трофеев лежал отдельно – черная простоватая ряса, клубок на голове и сжатые в кулаки руки. Это был, несомненно, жрец Светлейшего – недавнее приобретение нелюди. Он не успел еще толком разложиться. Глаза его были выклеваны воронами. Кончик носа был слегка обгрызан, а так жрец выглядел еще очень нечего. Смутило меня то, что на поясе служителя храма висел самый настоящий меч из тех,

что делают в столице в Стиборе, богато инкрустированный драгоценными камнями. В набалдашнике рукояти крепился самый настоящий изумруд. Для серьезной сечи не сгодился бы, а вот для того чтобы пугнуть лесных разбойников вполне себе достойная вещь... Учитывая, что жрецы отрицают всякое насилие, предпочитая пользоваться заговорами и молитвами, это было более чем странно! Все равно, что увидеть Великого Князя за сохой в крестьянской рубаше.

Именно поэтому я и подошел к нему поближе, наплевав на брезгливость. Наклонился, рассматривая то, что он крепко зажал в руке, даже после смерти не выпуская. Это была какая-то драгоценность, что именно рассмотреть было тяжело, мешали пожелтевшие распухшие пальцы. Отбросив все сомнения, я начал отжимать их один за другим. Пока перед моим взором не открылся крупный золотой перстень с искусно вырезанным на нем трехглавым драконом.

– Ничего себе!– пробормотал я, тут же холодея от ужаса, так как за моей спиной слышался треск ломаемых веток и шелест ползущего тела. Думать о том, чем был так дорог этот перстень жрецу Светлейшего, времени не оставалось. Всеми своими клеточками молодого организма я ощущал ледяное дыхание василиска у себя за спиной. Раздался надрывный петушиный крик, полный истового негодования. Я мгновенно сунул перстень в карман, настраиваясь на битву.

– Вот и встретились, лесной разбойник!– попытался подбодрить я себя, уворачиваясь от хлесткого удара шипастым

хвостом, рассекающим воздух прямо над моей головой. Все мысли и чувства куда-то исчезли. Навыки, приобретенные в Обители, проявились сами собой. Тело стало действовать, как автомат, не давая мне времени на раздумья. Я перекатился в сторону, угнув голову, чтобы не схлопотать в очередной раз от разъяренного василиска, но тот и не думал останавливаться. Продолжал с упрямой методичностью пытаться меня достать хвостом, развернув к себе лицом. Зажмурившись, я продолжал вилять, уходить в сторону от острых шипов, покрытых ядовитой слизью, ничего не видя.

Все происходило на уровне инстинктов. По упругому движению воздуха я определял, где находится чудовище, даже не пытаясь как-то ему противодействовать. Зеркало! Я пошарил по своим карманам в тот момент, когда василиск издал очередной жуткий петушиный крик, нащупал металлический ободок, выставив впереди себя, опоздав на какие-то доли секунды. Могучий удар снес меня с ног, опрокинув на спину, грудная клетка под тонкой кольчугой отозвалась острой болью.

– Ку-ка-ре-ку! – победный клич монстра был омерзителен, больно ударив по ушам.

– Ку-ка-ре-ку! – что-то целой скалой рухнуло на меня сверху, придавив всей своей тяжестью и зловонной вонью. Я дернулся нелепо выставив руки с зеркалом впереди себя, ни на что уже не надеясь, попрощавшись мысленно и с жизнью, и с Обителью, и даже с вредным Дедом, пославшим меня сю-

да на верную смерть.— Ку-ка...

Победный клич василиска оборвался на полуслове. И все резко затихло. Прижатые к земле ноги затекли от упавшей на них тяжести. Я пошевелился, поерзал, но никакого встречного сопротивления не встретил, лишь только тогда открыв глаза.

Надо мной застыла громадина лесного монстра, наводившего ужас на всю здешнюю округу долгие месяцы. Василиск оказался такой же, каким рисуют его сказочники Пяти Княжеств. Длинный змеиный хвост толщиной в две мои ноги, покрытый острыми, как бритва шипами, изгибался по земле метра на три-четыре. Короткие куриные лапы, покрытые серым пушком, несли на себе скользкое тело зеленой жабы, на котором громоздилась петушина голова, украшенная диадемой из костяных наростов. Чудовище так и застыло надо мной, уперевшись красными бусинками глаз в выставленное вовремя мною зеркало.

— Ух, ты... — наконец-то выдохнул я, выползая из-под ставшей теперь скульптурой нечисти.— Здоровая, зараза!

Уже совсем бесстрашно потрогал выпуклый клюв, отозвавшийся на мое прикосновение утробным звоном. Открыл курдюк с отваром и с наслаждением выпил, чтобы унять боль в покалеченной груди. Рывками она стала стихать, приводя организм в норму. Кроме боевых умений, которые варягам в Обители прививают с детства, Дед обучал нас и искусство зелеварения. Каждый из наемников умел вылечить се-

бя с помощью трав и отваров, но высшим пилотажем считалось приготовить «напиток берсерка», когда сознание покидало тебя, оставляя внутри лишь всепоглощающую ярость и могучую силу. Только после того, когда ты хоть раз обратился, ты мог претендовать стать Варягом. У меня когда-то получилось! Я сокрушил горного медведя голыми руками, упиваясь своей беспощадностью, но зато потом почти месяц провалялся в кровати, тяжело перенеся такую потерю сил.

Когда боль поутихла, я медленно побрел обратно к постоялому двору, чтобы порадовать хозяев и требовать с них достойную плату. Наверное, я даже расскажу им про драгоценности, хранящиеся в логове василиска. Все-таки они показались мне хорошими людьми. Особенно парнишка, смотрящий на меня восхищенными глазами.

К трактиру я добрался ближе к вечеру, когда над Кижем зашло солнце, и на сером, еще не черном небе, появились первые полупрозрачные звездочки. Моя Красотка была накормлена и стояла в стойле вместе с хозяйскими лошадьми, наслаждаясь свежим овсом. Проверив ее, я зашел внутрь, за неплотно прикрытой дверью расслышав громкие голоса. Говорила в основном хозяйка, а муж лишь вяло пытался ей что-то возразить.

– А я говорю тебе, что он шарлатан!– кричала она.– Где это видано, чтобы варяг был таким хлюпиком?! Варяги – они сильные, здоровые...

– Да где ты варягов-то видела?– попытался возмутиться

Кирилл, но был моментально перебит своей женой.

— А ты? Ты видел? Перехватили твоего голубя разбойники, какие, да прислали парнишку на Разведку.

— Но он же пошел за василиском?

— А ты за ним ходил? Может, он в лес свернул, да и был таков, а ночью на нас нападут, да последнее отберут его дружки?

— Кхе-кхе!— покашлял тактично я, распахивая дверь. Хозяева тут же замолчали, а женщина еще и здорово смутилась, сразу же удалившись в дальнюю комнату.

— Все, хозяин, убил я вашего василиска!— обрадовал я Кирилла.— Теперь тракт свободен. Пойдут к вам люди, торговля наладится...

Нахмурившись, мужик почесал густую черную бороду, и, видимо, после споров с женой, задал резонный вопрос.

— А чем докажешь?

От такого я даже растерялся. Уж никак я не думал, что мне придется доказывать что-то. Рассчитывал на достойную оплату и вкусный ужин для героя-спасителя, а оказалось вон как...

— Да я ж...— пробормотал я, потупив взгляд.— Как-то не подумал...

— Эх, варяг...— покачал головой мужик.— Как же я тебе платить-то буду, если не знаю, убил ты чудовище, али нет? Вдруг оно завтра опять начнет бедокурить?

— Я варяг!— гордо вскинул я подбородок, угрожающе по-

ложив руку на саблю, прикрепленную за спиной.

– А я торговец! Мне факты нужны! Факты! Доказательства! Называй их, как хочешь...

– Пойдемте со мной в лес!– растерялся я, понимая, что так глупо в своей жизни еще не выглядел.– Там он застыл, логово его...

– А если ты разбойник лесной, и в лесу со своими друзьями меня кончишь? Дороги мне туда нет...– Кирилл уселся обратно за стол и начал хлебать наваристые щи, при виде которых у меня непроизвольно потекла слюна.

– Так что ж платить не будете?– изумился я.

– Нет, на то и весь сказ!– отрезал мужик, не понимая, что я уже закипаю от гнева. Еще утром они молили меня о помощи, а теперь, когда все успокоилось, он заявляет мне, что я мошенник. Я – Варяг!

Рука метнулась за спину снова, выдергивая с легким шелестом саблю, разрубившую столешницу пополам. Сталь была знатная, заговоренная, при должном умении и камень способная разрубить, не то, что обычный мореный дуб. С грохотом посыпались глиняные тарелки и кувшины. Кирилл вскочил, мгновенно отпрянув. Его лицо изменилось, сменив вольготное и спокойное выражение, на испуганное.

– Ты чего?– острый клинок коснулся чистой рубахи у самого сердца. Не сильно кольнул, оставив после себя красную ниточку потекшей крови. Мужик ойкнул. Из-за прилавка завизжала неожиданно появившаяся жена, та самая, которая

уговаривала его мне не платить ни гроша.

– Отпусти, Светлейшим тебя прошу... – пробормотал мужик, пятясь назад, пока не уперся в стену. – Отпусти, сын ведь...

Я обернулся, увидев на ступеньках, ведущих на второй этаж, мальчонку с босыми ногами и заплаканным лицом. Он смотрел на меня с открытыми полными ужаса глазами, переводя взгляд с сабли на отца и обратно. Сердце дрогнуло. Бог с этими деньгами! Я гневно ругнулся, убирая оружие обратно в ножны.

– Эх вы! – укоризненно покачал головой я, обращаясь с этим упреком в основном к женщине. – Верить надо людям! Верить!

– Спасибо тебе, сердешный! Спасибо, мил человек! – Кирилл рухнул на колени, видимо, здоров струсив. – Заплати ему, быстро! – повелел он жене таким голосом, что она немедленно достала из-под прилавка тугой кошелек с деньгами.

– Прости, анчибал попутал! Прости, дурака... – Кирилл мгновенно рванулся к стойке, схватил оттуда кошелек и попытался всучить мне.

– Возьми! Возьми! Тут цена вдвое прежнего! Ужином сейчас накормим, княжым ужином...

От еды я отказался, а вот деньги взял. Чего ж их не взять, если работу я честно выполнил, а значит, их заработал.

– Куда ж ты на ночь, глядя? – догнал меня Кирилл, когда я уже выводил из конюшни Красотку. – Тьма на дворе! Пе-

реночуй у нас...

– В Кижe переночую!– отрезал я, легко вбрасывая тело в седло. Красотка подсела, перебирая копытами, громко заржала, недовольная тем, что ее куда-то гонят в ночь.

– Ворота крепости до рассвета закрыты! – сообщил мне мужик. Но для себя я уже все решил. Потрепал лошадь по холке, пуская ее легким аллюром.

– Прости-и-ии!– донеслось мне в след эхо, но я уже был далеко, покачиваясь в седле, раздумывал над тем, что делать дальше. Ночевать под открытым небом в этом северном княжестве – удовольствие ниже среднего, но в крепость меня не пустят, а значит надо искать место для ночлега. Оглядевшись по сторонам, я замер. Впереди меня высился могучий тын Кижa. Ворота крепости плотно заперты. На сторожевых башенках видны огоньки костровых. Гулко в тишине переговариваются дружинники в дозоре. Приглядев чуть левее неприметную удобную полянку под раскидистой елью, я направил красотку именно туда. Наломал себе немного колючих лап, вдыхая с наслаждением смолистый запах, из них соорудив вполне себе удобную постель. Прилег, только сейчас поняв, как устал за сегодняшний суматошный день. Ушибленная грудь тоскливо ныла, ноги гудели, но я прикрыл глаза, почти мгновенно провалившись в тяжелый сон, поспешивший забрать меня в свои липкие объятия.

Длинная печальная процессия медленно двигалась по протоптанной тропинке к меловому взгорью, поросшему мелким колючим кустарником. Впереди на носилках четверо воинов – ближников из личной дружины Великого Князя несли впереди своего господина, чтобы по обычаю Стибора предать его тело огню Светлейшего. Одет для погребения князь был в самые лучшие парчовые наряды. Сверху на нем была накинута соболья шуба, в руках, скрещенных на груди, покоился меч – кладенец – вечный спутник в боях и сражениях с нечистью. Позади брел в полном одиночестве Борис – наследник земель и холопов, с непокрытой головой, согласно обычаям, не имевший права проронить не слезинки. Традиционно считалось, что смерть – это очередная ступенька к Светлейшему престолу, а значит необходимо радоваться за усопшего отца, но сил изображать счастье, и улыбаться не было. Юноша, три года тому как, похоронивший мать, остался полной сиротой, и скрывать свои чувства не намеривался.

Чуть подальше медленно поднимались в гору три князя и княжна, спешно прибывшие на похороны. Чуть впереди шагала правительница Езиды – Велислава Янтарная – полноватая, круглолицая и розовощекая женщина средних лет, обладающая просто непомерной алчностью и почти такой же

жестокостью. Доходили слухи, что она могла лично пороть своих слуг за не вовремя поданный завтрак. Велислава любила и умела богато одеваться. Черное кружевное платье было украшено настоящими жемчужинами из глубин Агейского моря, на голове золотая корона искусно вырезанной из изумруда амазонкой – гербом Езиды. Губы она поджала, выражая скорбь, но вот радостно блестящие глаза выдавали ее с головой. Княжество матриархата давненько мечтало о собственной независимости от Стибора. Лишь только Великий князь удерживал их в союзе, а теперь, когда он вот-вот окажется в объятиях Светлейшего или Анчибала... Велислава прогнала от себя подобные мысли. Промокнула несуществующую слезинку и продолжила путь на взгорье.

Правее нее шагал высокий худой мужчина в собольей мантии и непокрытой головой с длинными седыми волосами, завязанными в тугой узел на затылке. Его лицо пересекал длинный багровый шрам, портя общее впечатление от этого несомненно мужественного человека, которого звали Корней и правил он Агеей – городом портом, куда стекались товары со всех Пяти Княжеств, где шла бойкая торговля, где всегда было шумно и весело. Корней был лучшим другом умершего Великого князя, всегда поддерживал союз, скрепленный княжьей печатью, и имел от этого кое-какие выгоды. Во-первых, торговля его не облагалась никакими пошлинами, а во-вторых, не один рекрут не был забран из Агеи в Очистительные походы против нечисти, проводимые почти

каждый год. Пожалуй, только он скорбел по-настоящему искренне по Великому Князю, понимая, что с его смертью закончится и его славная вольница, позволяющая Агеи процветать. Вытирая суровое лицо от слез, он мысленно прокручивал возможное регентство над Борисом, а в последствии, чем анчибал не шутит, воцарение на княжеском престоле в Стиборе.

Чуть позади этих двух шагали князь Иды – Борислав и владыка Кижа – Изяслав – хитрые изворотливые, ненавидящие друг друга соперники. Борислав был из древнего рода, восходящего к первым Великим Князьям, чем, безусловно, гордился и считал себя несправедливо обделенным, владеющим захудалым княжеским уделом на реке Иде, впадающей в Агейское море. Кроме как торговлей рыбой и сельским хозяйством там заниматься ничем было нельзя, а из-за склонности Борислава к пышным и не всегда уместным дворцовым приемам, казна княжества почти всегда была пуста. Идяне жили в долг, перебиваясь, занимая в долг у более богатых и зажиточных соседей из Агее. В смерти Великого Князя Борислав видел перст судьбы, позволяющий ему наконец-то стать тем, кем он по праву крови и должен быть.

А вот Изяслав – хитрый колобкообразный владыка Кижа, княжества расположенного на самом отшибе, у границы с Мертвыми землями выгоды своей в смерти Великого Князя не искал. Слишком мал был его удел для престолонаследия. Слишком скудна его биография, не украшенная венце-

носными предками. Происходил он из рода торговых людей, на престол попал через выборы, которые единственные из всех проводили жители княжества каждые пять лет, да так и остался на престоле... Дремучих и необразованных кижан было очень легко привлечь на свою сторону, поманив, будто дикарей, стеклянными бусинками. Они редко выбирались за пределы своего удела, за что среди остальных народов пяти княжеств прослыли людьми невежественными и грубыми, получив прозвище лесные «братья».

Следами за правителями империи следовали особо приближенные к князю личные дружинники, гридни, дьячок Паисий, купец Матвей Борода и еще несколько известных в Стиборе личностей. Все они шли, низко опустив голову, борясь с порывами неожиданно поднявшегося ледяного ветра. Кое-кто плакал, но тихонько, словно про себя, понимая, что сейчас кончается целая эпоха.

Похоронная процессия растянулась почти на километр. Тех, кто хотел попрощаться с мудрым правителем, оказалось слишком много. И когда первые уже заходили на Погребальный Холм, то хвост колонны оставался еще далеко внизу, но бледный Борис ждать остальных отказался. Кивнул замершим с носилками ближникам на сооруженный помост и медленно повернулся к дьячку Паисию, пытающемуся неподалеку под порывами ветра разжечь факел.

– Где Рогвольд?– спросил наследник Стибора, смахивая покотившиеся от колючего ветра слезы. – Почему Верхов-

ный жрец не провожает моего отца в последний путь?— голос его размазывался, теряясь в свистящих тугих потоках воздуха.

Дьячок попятился назад, покачал головой, делая вид, что не понимает вопроса. Уперся в живот Изяслава, внимательно слушающего их разговор, стоя чуть в стороне.

— Я... Княже...

— Я не князь еще!— злобно процедил Борис, бросив короткий взгляд на повелителя Киж, который тут же отвернулся, сделав вид, что эти разборки ему абсолютно неинтересны.

— Прости, дурака старого, княжич!— пролепетал испуганно Паисий. Он опасался этого разговора с того самого момента, как из храма Светлейшего доложили о пропаже жреца Рогвольда. Куда он исчез, никто не видел, но не к заутрене, не к вечерне глава церкви не явился. Начали бить тревогу, но пока только выяснили, что вместе с верховным жрецом исчезла и его лошадь. Отсюда напрашивался лишь один вывод — Рогвольд бежал!

— Где Рогвольд?— снова строго переспросил Борис, сверля злым взглядом Паисия.

— Бежал ваш Рогвольд!— пробасил рядом купец Матвей Борода.— Сбежал, как крыса с тонущего корабля! Будь он неладен...

— Что?— глаза наследника Стибора округлились.— И я об этом узнаю только сейчас?!

— Тут и без того... Батюшку потеряли...— залепетал нечто

невразумительное дьячок.

– А кто его отпевать будет?– рявкнул мальчишка, указав на помост, где тело его умершего отца покрывали слоями елеса. Рядом с ним рыдала на коленях Велислава под строгим взглядом ближников, ставших на стражу возле своего князя, оставшись верными ему до последней секунды.

– Дело немудреное, Борис!– похлопал ободряюще наследника по плечу Борода.– Паисий и отпоет...

– Я?– глаза дьячка испуганно заморгали.

– Ты!– Матвей легонько подтолкнул его в спину поближе к помосту. Нелепо и боязливо оглядываясь, Паисий, всю жизнь прослуживший писарчуком подле Великого князя и носивший сан лишь только потому, что это несло в себе довольно значительные выгоды, шагнул к помосту, опасливо покосившись на зажженное кадило. По толпе, уже поднявшейся на взгорье для проведения церемонии, прошелестел гул возмущения.

– Рогвольд где?

– Где жрец?

– Неужто, дьячок отпевать будет?

– Да он сам грешен, как анчибал!

– Его в квартале Сирен все барышни уже знают!– кое-где послышался смех, кто-то осуждающе покачал головой. Стиснув зубы, Борис шагнул вперед, преклонив колени перед телом отца. Следом на землю опустились княжна Велислава, Борислав, Корней и Изяслав, низко склонив головы.

– Кхе-кхе!– прокашлялся Паисий, отводя глаза в сторону. Смотреть в толпу, он не смел, а на князя тем более... Ему почему-то казалось, что тот ему все время улыбается. Похороны стали напоминать плохую комедию.– Отче наш, Светлейший и мудрейший...– начал дьячок тонким голоском, понимая, что тянуть больше нельзя.– Да прости грехи раба твоего, да прими его в объятия свои, да обласкай и подари...

Громкий треск оборвал речь дьяка на полуслове. Князя испуганно переглянулись, а люди стали поднимать головы вверх, чтобы посмотреть, откуда доносится этот звук, но тут же, подле помоста, лопнула земля и начала расходиться во все стороны глубокими трещинами. Камень на глазах разваливался на куски. Началась давка. Корней вытащил меч, беспрерывно оглядываясь, будто ждал нападения с любой стороны.

– Свят! Свят! Свят!– перекрестился размашисто Матвей, отталкивая в сторону Бориса. Черная исполинская тень медленно и величественно выплывала из-под земли там, где только что стоял наследник Стиборского престола. Дикий хохот болезненно ударил по ушам. Тень все росла, закрывая собой уже почти половину неба. Ее пляшущая нескладная фигура напоминала собой рогатого великана, обросшего острыми, как кинжалы шипами, голова была вытянутой змеевидной формы, а глаза блестели яркими огоньками пламени.

– Мамон!

– Он вернулся!– народ шарахнулся прочь с горы, давя друг друга в ужасной толчее. Кто-то упал, на него наступил, и он взвыл, прижимая к себе поломанную руку. Над взгорьем раздался детский плач.

– Кто ты?– Борис выступил вперед, отбросив руку Бороды, лежащую у него на плече.– Кто ты? И зачем пришел сюда?– на последней фразе голос немного дрогнул.

– Спроси у них!– фигура слегка качнулась в сторону замерших на месте князей. Велислава ошарашено хлопала глазами. Корней так и стоял с обнаженным мечом, выставив его вперед, а Борислав с Изяславом испуганно молчали, даже не посчитав нужным вытащить оружие из ножен.

– Я сын Великого князя – наследник Стибора Борис!– громко провозгласил парень.

– Ух, ты!– расхохоталась тень.– А они об этом знают?– он указал на замерших князей.

– Я...

– Княжья печать утеряна!– заревело чудовище и из его змеевидной головы появились тонкие языки пламени, вперемишку с едким густым дымом.– Стибор больше не столица Пяти Княжеств! А я вернулся!

– Кто ты?– настойчиво переспросил Борис, у которого от страха подгибались колени, но он мужественно терпел, понимая, что это его шанс стать настоящим наследником не только по праву крови, но и по общему мнению.

– Мамон!– пламя изо рта демона вырвалось на свободу.

Пролетело над головой княжича, опалив его волосы, коснулось своим дыханием Велиславы и вспыхнуло у помоста стеной огня. Сухие дрова мгновенно занялись, охватив тело Великого Князя. Запахло паленой кожей и тлеющими волосами.— Я заберу у вас все! Вашу жизнь! Вашу свободу! И даже вашу душу!

Черная тень неожиданно гибко изогнулась и с невероятной для своих размеров быстротой нырнула обратно в каменный проем, оставив после себя полоску черной выжженной земли.

Все молчали. Лишь только треск хорошо высушенных дров прерывал эту тягучую тишину, да ветер гудел, срываясь с высоты куда-то в долину, где примостилась крепость Стибор.

— Этого не может быть...— прошептал Корней, но его услышали. Велислава резко повернулась к нему и зло проговорила, цедя каждое слово:

— Как видишь, может! Мамон вернулся! А значит, чем быстрее мы выберем нового Великого Князя, тем лучше!

— Это будет единственно правильным решением!— подхватил ее слова Изяслав.

— Где княжья печать?— Борислав повернулся к наследнику Стибора, сверля того строгим взглядом.

— Я...— попятился назад Борис, чувствуя, как растет напряжение в глазах тех, кто когда-то качал его на руках и нахваливал, стремясь выделиться перед великим князем.

– Ты!– прошипела Велислава, изменившись в лице.– Где Княжья Печать?

– Она пропала...– обреченно выдохнул наследник Стибора, понимая, что отпираться бессмысленно.

– Что?– глаза Корнея округлились.

– Перед смертью отец призвал Рогвольда – жреца храма светлейшего, якобы для исповеди, после исповеди жрец исчез. Скорее всего, печать у него!– торопливо пояснил Борис.– Я только сам узнал о том, что он пропал!

– Если печать попадет к Мамону, то весь наш мир ввернется в такой хаос и ужас, что прошлая война покажется нам детской сказкой!– обронил Борислав, важно поджав губы.

– Необходимо срочно найти этого Рогвольда!– решила Велислава.

– Или хотя бы Печать!– тихо добавил про себя Изяслав.

Одиночество угнетало... Борис отошел от окна, вспоминая своего отца, который так и не стал для него близким человеком. Что он о нем знал? Что Великий Князь был сильным и умелым правителем? Что одним мановением своей сухой костистой руки решал судьбы целых народов? А что осталось после него? Раздробленная империя, полная склок и междоусобных конфликтов... Мать?

Еще, когда Борису исполнился один год, князь отправил ее в монастырь, обвинив в заговоре против себя. Согласно докладу главы Тайного приказа она вместе с княжной Велиславой желала захватить трон и установить порядки в Стиборе, которые процветают в Езиде. Наказание было суровым, но адекватным преступлению, по крайней мере так считал сам наследник. В четырнадцать он оказался подле того монастыря Светлейшего, где жила его мать, и упросил своего дядьку Прохора повидаться с женщиной. После долгих уговоров тот согласился. Борис увидел немощную изможденную суровыми постами женщину, глаза которой были полны горечи и страдания. Она не узнала сына, лишь что-то бормотала себе под нос, шепча молитвы всем известным Богам. Борис был расстроен и поскорее покинул монастырь, всю обратную дорогу выслушивая дядькины осуждения его поступка.

Пожалуй, только Прохор и был ему близок все это время. Только на этого воина из княжеской дружины, с самого детства прикрепленного к наследнику, Борис и мог положиться в своей жизни. А потому, как только они вернулись с похорон отца, он вызвал его к себе в княжеские покои.

– Здрав будь, княже!– поздоровался дядька, тихонько скрипнув тяжелой дверью, украшенной позолотой. Это был небольшого роста крепко сложенный мужчина с длинной окладистой бородой, с вплетенными в нее разноцветными ленточками. Внешностью похожий на гнома, он обладал почти сказочной силой и такой же хитростью, которой прикрывал свой склочный и ворчливый характер. При входе он, как и положено, поклонился и присел рядом с задумчиво замершем на отцовском троне наследником.

– И ты здоров, будь, Прохор!– кивнул ему Борис, подняв глаза от пола. Его лицо не скрывало никаких чувств, бушевавших внутри него. Все было написано на нем в силу возраста и неопытности воспитанника.

– Отчего невесел? Отчего голову повесил?– попытался пошутить Прохор, но вышло коряво. Он знал все об инциденте на похоронах, знал, что Борис его непременно вызовет, но все равно не мог спокойно смотреть, как мучается парень, которому он дал лучшие годы своей жизни.

– Будто не знаешь, Проша...– проговорил наследник, вставая с трона, чувствуя себя на нем неуютно, словно жгла его изнутри княжеская доля.

– Знаю... Демон вернулся!– кивнул дядька.– Непростые времена наступают для Стибора... Тьма все ближе! Когда нет сильной власти ее прислужники прут изо всех щелей. Чтобы урвать себе кусок послаще, да пожирнее. Не вовремя помер князь, Э ох, как не вовремя!

– Стибору нужен новый Великий Князь!– громко провозгласил Борис, поджав губы, и в его глазах дядька увидел то, чего когда-то боялся в раннем детстве. Жажда власти и непомерная алчность, которые Прохор в меру своего умения искоренял у своего воспитанника.

– Великого Князя выбирает княжья печать...– осторожно заметил дядька.– Без нее ни Езида, ни Киж, ни Ида, ни даже наш верный союзник Агея не признают нового наследника! Так было поставлено Гориславом, так будет и сейчас!

– Велислава намекает о том, что ее княжество собирается отсоединиться!

– Если Печать найдется, то все вопросы об этом снимутся сами собой, у Стибора будет новый Великий Князь!– кивнул Прохор.

– Вот именно!– горячо спохватился Борис.– Поэтому я тебя и позвал...

– Ты хочешь, чтобы я отыскал предателя Рогвольда и отобрал у него ее?– понял все дядька наследника.

– Да!– решительно кивнул Борис.– Тогда я смогу сохранить Стибор в том виде, в каком он существует сейчас.

– А ты уверен, что печать выберет Великим князем имен-

но тебя?— уточнил Прохор, задумчиво теребя свои косички на бороде.— И если нет, то сможешь ты быть одним из? Задавал ли ты себе такой вопрос, княже?

Борис на секунду задумался, но всего лишь на секунду, потом решительно помотал головой, отказываясь верить в слова наставника.

— Такого просто не может быть... Я — наследник своего отца, мне по праву крови положено быть...

— И все же?— нахмурился Прохор. Ему не нравилась упертость Бориса в те моменты. Когда необходимо было быть гибким и дипломатичным.

— Ты отказываешься мне помочь?— разозлился неожиданно наследник Стибора.

— Когда-то давно, — пояснил Прохор, опустив глаза в пол,— я поклялся твоему отцу, что не оставлю тебя до конца твоих дней! Свои клятвы я всегда держу... Через пару недель ты получишь Княжью Печать, княже!— дядька поклонился положенным образом. Встал, хмурия свои кустистые брови.— Только, как бы ты не разочаровался в том, что ты ищешь...

— Я...— начал было Борис, но дядька уже широко шагнул прочь из светлицы, снова оставив наследника Стибора в одиночестве, один на один с печальными мыслями.

Паром был пришвартован к берегу в тот момент, когда княжна Велислава и двое ее верных охранников спустились к излучине реки Иды – главной водной артерии княжества. Вдалеке, на острове, расположенном посреди просторной иссиня-зеленой глади, покрытой мелкой россыпью желтых кувшинок и молодой ряски, возвышались Врата Езиды – огромного размера и величественного вида крепость, вырубленная трудолюбивыми жителями прямо в скале, неведомо как оказавшейся посреди реки. Сквозь молодую поросль вечно зеленых пихт проглядывались уютные дворики с небольшими домами, каменная арка в честь, которой был назван город-княжество, действительно напоминающая ворота. На самом пике горы блестел своими золотыми луковками куполов княжеский дворец.

– Наконец-то, я дома... – вздохнула Велислава, поправляя меховую накидку, наброшенную на плечи. Ночи становились все холоднее. Осень полным ходом вступала в свои права. Скоро и паром перестанет курсировать между Езидой и другими княжествами. Река покроется тонкой ледяной коркой, готовой провалиться под случайно забредшим на нее путником.

– Ваше высочество! – паромщик низко поклонился, помогая спуститься княжне на просмоленные плотно сбитые дос-

ки палубы.

— Благодарю вас!— кивнула благосклонно Велислава, подходя к высокому бортику, опираясь на леера. Позади слышалось напряженное дыхание охраны и негромкий цокот копыт лошадей, которые волновались, напряженно всматриваясь в воду.

Паром качнуло, заскрипела лебедка. Медленно и уверенно они стали приближаться к противоположному берегу, где уже виднелся комитет по торжественной встрече. Сколько времени она не была здесь? Почти месяц... С томительным ожиданием она рассматривала знакомые улочки. Тоненькую фигурку своей главной советницы Аурики, на которую оставила княжество. Справилась ли девчонка? Смогла ли удержать власть? Или столкнувшись с глобальной проблемой возвращения демона Мамона. Ей теперь придется решать и свой, местечковый конфликт? Мысли сами собой перешли на чудовище, снова появившиеся в их землях, до того существовавшее лишь в дедовских преданиях о богатыре Гориславе. Так ли он опасен? Как с ним бороться? Куда делась Княжья печать? Печать... Символ абсолютной власти Стибора, позволяющий держать под своим полным контролем все пять княжеств. Умерший Великий Князь верил в непогрешимость и святость своей власти, не допускал даже мысли, что кто-то может отделиться, мечтать о собственной автономии... Но Езида была особенным княжеством — единственным, где правила испокон веков женщины, по праву умней-

ших, более сильных и предприимчивых, а значит оно выделялось среди других, из поколения в поколения лелея в своих горячих сердцах мысль о своем особом предназначении в этом мире. Сейчас наступало такое время, когда пора было принимать решение, или пан или пропал! Велислава поджала губы, боясь себе признаться в том, что готова рискнуть! Печать исчезла вместе с мятежным жрецом Рогвольдом. Мамон воскрес, когда, если не сейчас попробовать стать теми, кем Матери Езиды по-настоящему заслуживают быть?

– Ваше высочество!– окликнули ее, тронув за плечо. Велислава испуганно обернулась, погруженная в свои собственные мысли. Ведьма Лесислава стояла рядом, готовая магией и колдовством защитить свою правительницу от любого нападения.

– Прибыли...

– Спасибо, Леся!– кивнула княжна, спускаясь по сходням парома. Старик на прощание приветливо помахал ей рукой. И мужчины, не имеющие в стране особой власти, любят ее и готовы умереть за свою княжну! Когда, если не сейчас? Все к одному...

С этой мыслью и принятым решением, она шагнула на длинный пирс, окруженная со всех сторон своими соратниками. Аурика что-то рассказывала, но все ее слова пролетали мимо ушей Велиславы. Сейчас она уже строила планы на будущее, готовая рискнуть, готовая к тому, чтобы ее имя вписали в историю Езиды, как правительницы сумевшей от-

делиться, стать самостоятельным княжеством. Ведь в союзе Пяти княжеств Езида сама по себе чужеродное тело! Как эту простую истину не могут понять в Стиборе? Тут нет веры в Светлейшего, нет зарвавшихся жрецов, одевающихся побогаче многих князей, но проповедующих, что бедность не порок! Тут правят женщины-колдуньи мудро и по советам! Здесь процветает волшебство и знахарство! Здесь другой мир!

За этими мыслями Велислава поднялась во дворец. На всем пути до личных покоев ее сопровождали выкрики жителей княжества, счастливых вновь видеть свою княжну. Когда, если не сейчас?!

— ...Заходит зима. Я отправила на заготовку дров почти все мужское население Езиды! Решила начать с Высокого холма, где засыхает старый яблоневый сад. Провидицы обещают страшную зиму...— Аурика продолжала рассказывать про обыденные, текущие дела в княжестве, даже не представляя, какой дерзкий план созрел в голове ее повелительницы.

— Спасибо, девочка моя!— похвалила ее Велислава. Сбрасывая меховую накидку и присаживаясь на высокий трон, украшенный драгоценными камнями и росписью позолотой. Повсюду, куда не глянь, в покоях княжны были начерчены защитные руны, искусно вплетенные в, казалось бы, самые примитивные украшения. Даже ваза со свежими полевыми цветами, стоящая на столике подле трона, которые так люби-

ла Велислава, была замаскированным артефактом, готовым среагировать на любую опасность.— Ты хорошо справилась с порученным заданием...— польщенная Аурика низко поклонилась своей правительнице.

— Осмелюсь спросить, ваше высочество, как прошла ваша поездка в Стибор?— поинтересовалась колдунья, несмотря на свой молодой возраст по праву силы занявшая место в совете Матерей Езиды главенствующее положение после Велиславы.

— Собери всех немедленно! — приказала княжна, задумчиво постукивая тонкими пальцами по гладкой поверхности подлокотника.— У меня есть, что рассказать нашим сестрам.

Аурика кивнула и почти мгновенно задрала рукав длинного темного платья, удивляющего одновременно своей простотой и изысканностью. По шелковой ткани, золотым шитьем были расписаны узоры, чем-то напоминающие лепестки роз. На тонком запястье заблестел браслет, тут же откликнувшийся на прикосновение своей хозяйки еле заметным золотистым свечением. Так продолжалось несколько секунд, пока противоположная от трона стена покоев Велиславы не начала расплываться, превращаясь в туманный омут, вертевшийся с ужасающей скоростью.

— Портал готов, моя госпожа!— доложила Аурика, но княжна и без нее это видела. Могучая сила теплой волной ударила ей в лицо, наполнив до краев мощью, граничившей с эйфорией. Свернула молния, ударил гром, и из омута по-

явилась высокая фигура первой колдуньи из совета Матерей Езиды – Радиславы, которая давно и с успехом возглавляла элитное учебное заведение для девочек, у которых находили зачатки магии, заложенные при рождении. Скольких она уже воспитала таких? Скольких научила владеть потоками силы? Велислава помнила, как первый раз перешагнула через порог Академии, боясь собственной неумелости, скромности и невежества, а внутри ее встретила именно Радислава, нежно поцеловала в лоб, потрепав по длинным каштановым волосам, и сообщила, что все будет хорошо. И от этих слов стало действительно спокойно.

– Приветствую вас, ваше Величество! – поклонилась ведьма, низко склонив голову. Сколько же ей лет на самом деле? Неожиданно подумала княжна, рассматривая свою наставницу. Если Велислава правит Езидой уже без малого век, то Радислава помнила еще ее бабушку, но выглядит отменно, изредка позволяя себе расслабиться и соблазнить какого-нибудь молоденького офицера из штаб-полка гвардии.

– Спасибо, Радислава! Я тоже рада нашей встречи! – княжна указала на место подле себя, а портал снова помутнел, готовый вытолкнуть из себя последнего члена Совета Матерей Езиды – молодую ведьму Светораду, пользующуюся заслуженным уважением среди своих товарок. В свои скромные 50 лет она владела всеми возможными магическими искусствами от знахарства до трансфигурации, с отличием закончила Академию Чародейства Радиславы и отвечала за внеш-

ную политику Езиды.

– Ваше высочество!– Светорада была молода, красива, небольшого роста с длинными до плеч кудрявыми волосами, которым не нужны были никакие завивки и укладки. Точечная фигура с ярко выраженной талией делали ее предметом восхищения и вожделения всего населения государства-острова мужского пола, но Светорада была одна, породив вокруг себя ареал неприступной и даже немного фригидной женщины.

– Светорада...– кивнула ей Велислава, размещая ее сразу же за Радиславой, которая с интересом смотрела на свою воспитанницу.

– Кажется все в сборе...– промолвила Аурика, осмотрев Матерей Езиды, внимательно и чуть настороженно смотревших на свою правительницу. Какие новости она принесла? Что творится в обезглавленном Стиборе? Все эти вопросы вызывали недоумение и волнение среди присутствующих на совете.

– Нет!– покачала головой Велислава.– На совете я бы хотела видеть Демида!

– Не слыханная дерзость!– не сдержавшись, воскликнула Светорада.

– Я все историю мужчины никогда не принимала участие в решении государственных вопросов Езиды!– поддержала ее Радислава.

– Ваше высочество...– робко обратилась к ней Аури-

ка.— Чародейки правы...Мужчина на совете Матерей Езиды...Это нечто...Нечто из ряда вон!— подобрала она необходимое дипломатичное выражение.

— Решение, какое мы должны будем принять, касается всех в княжестве!— коротко отрезала Велислава, напомнив всем, кто пока правит островом.

— Повинуюсь, княжна!— Аурика мгновенно склонила голову и вышла из покоев советной государыни. Минут десять ее не было. Все это время ведьмы напряженно молчали, пытаясь угадать, что за такие срочные вести принесла их княгиня.

Ровно через десять минут в дверях появился, закованный в кольчугу воин, крепко сбитый, среднего роста, с пышными пшеничными усами, которые, наверняка, свели с ума ни одну колдунью на острове. На поясе у него висели богато украшенные ножны с двуручным мечом, а в руках помещался островерхий шлем с изображенным на нем гербом Езиды. Он сделал несколько шагов вперед и преклонил колени, низко опустив вихрастую голову.

— По вашему повелению прибыл!— позади него топталась явно недовольная Аурика, по слухам, у которой был довольно скоротечный роман с командиром гвардии, быстро прекратившийся, как только Демид нашел ей замену в лице студентке второго курса Академии Чародейства.

— Присаживайся, Демид! Как дружина? Рада тебя видеть!— выдавила из себя улыбку Велислава.

— Вашими молитвами, госпожа!— проговорил Демид, уса-

живаясь за стол рядом со Светорадой. — Дружина готова хоть сейчас сложить за ваше высочество свои буйные головы! — бодро отрапортовал он.

— Боюсь им представиться такая возможность... — грустно произнесла Велислава, когда все расселись по своим местам, а Аурика заняла стул по правую руку от трона. — Великий Князь умер после тяжелой и продолжительной болезни! — торжественно объявила она, выждав паузу, но никаких дополнительных реплик не последовало. Все и без того знали, что старость семимильными шагами подбирается к правителю Стибора. Он хирел на глазах. И итог этих мучений стал более чем закономерен. — Жрец храма Светлейшего Рогвольд похитил Княжью Печать и исчез с ней в неизвестном направлении...

Эта новость уже была равна взрыву атомной бомбы. Демид нахмурился, а Светорада озадаченно потеряла выбившийся из-за розового премиленького ушка локон, а Радислава лишь удовлетворенно хмыкнула, будто изначально предполагала именно такой исход.

— Установилось безвластие, которое продлится до того момента, пока будет не найдена Печать и не будет избран Великий Князь! — проговорила и без того очевидную вещь княжна Езиды.

— А значит, у нас есть шанс... — задумчиво пробормотала Радислава, вскинув свои изумрудные глаза на повелительницу.

– Впервые за много лет, мы можем сделать нашу Родину свободной!– провозгласила княгиня, задохнувшись от величия момента.

– Только надо найти Печать раньше остальных и спрятать до лучших времен!– поддержал ее Демид.

– Именно так! Нас будут пытаться усмирить, возможно, Стибор пойдет на нас войной... Наследник слишком молод и вспыльчив! Готовы ли вы умереть за свободу ваших детей?– спросила Велислава, смутившись от напыщенности и пафосности вопроса, но Матери Езиды и гвардейский командир восприняли такой тон, как должное.

– Готовы!– разом прокричали они. И глаза у всех них загорелись ярким пламенем азарта. Забыты были старые обиды, склоки, ревность, и даже Аурика смотрела на Демиду, светившись от счастья.

– Тогда необходимо сделать так, чтобы Печать оказалась в Езиде! Но это не все...

Совет напряженно замолчал, ожидая, что подготовил им еще их княгиня.

– Мамон снова вернулся из небытия...– тихо проговорила она, наблюдая за реакцией своего ближайшего окружения.

– Фух...– выдохнул Демид облегченно.– Я думал что-то серьезное...

– Серьезней некуда!– отрезала зло Велислава.– Он может воспользоваться нашей междоусобицей и попытаться вернуть себе власть над Пятью Княжествами!

– Ему никогда не завоевать Езиды!– решительно рубанул кулаком по столу Демид.– Из-за старого демона, воскресшего из небытия, мы не должны отказываться от самой заветной мечты нашего народа!

– Я согласна с Демидом!– покосилась на него Радислава.– Только, кто отправиться на поиски Печати? И как нам ее найти? Ведь с чего-то нужно начать? Рогвольд с ней может быть, где угодно. Хотя, если честно, я считаю, что это козни Мамона.

– Согласна!– кивнула Аурика.– очень похоже на демона. Сначала нас всех стравить, ослабить в междоусобной войне, а потом прибрать власть к рукам!

– Значит ли будут наши действия по поиску Печати, что мы пошли у него на поводу?– нахмурилась Светорада.– И не будем ли мы в таком случае выполнять его волю?

Велислава задумалась. Ей во время дороги в Езиду приходила уже такая мысль в голову, но как же был велик соблазн обрести свободу, то о чем мечтали долгие годы все жители острова.

– Мы не будем выходить из Союза, пока Печать не окажется в наших руках,– после долгой паузы сообщила она.

– Но кто отправиться искать Печать?– воскликнула Аурика, которой не терпелось выбраться с острова, ощутить сладость приключений, прикоснуться к тайнам и развеять скуку.

– Ты останешься здесь!– коротко отрезала Велислава.

– Я слишком стара...– добавила Радислава.

– А я не умею колдовать!– пожал плечами Демид, повернувшись в сторону самой молодой ведьмы. От такого внимания Светорада смутилась и низко опустила голову, уткнув глаза в расписной пол.

– Я согласна!

– Отлично!– обрадовалась княгиня, хотя другого ответа от своей соратницы и не ждала.– Аурика, нам нужен «Провидец».

Главная помощница правительницы Езиды расстроено шмыгнула веснушчатым носом и шмыгнула в соседнюю комнату, вынеся оттуда голубой прозрачный шар на серебряной подставке. В шаре мелькали молнии, бродили тучи и клубки тумана. Разобрать, что внутри него происходит, было решительно невозможно. Велислава торжественно приняла его, установив на стол.

– Эта вещь Рогвольда,– она небрежно кинула перед советом потертый дешевый крестик с изображением Светлейшего. Мне удалось договориться со жрецами, чтобы они мне достали его за энную сумму золотых грошей.

Демид взял его в руки, повертел и отложил в сторону. Это был задание не для него. Он не верил ни в Светлейшего, ни в Анчибала, только в своих колдуний, которые тут же начали проводить над серебряной безделушкой какие-то манипуляции. Через пару минут Радислава удовлетворенно кивнула, и ведьмы взяли за руки, образовав вокруг лежащей

на столе вещи Рогвольда замкнутый круг, что-то зашептали, забормотали, впадая в состояние транса. Как всегда бывало, когда рядом ворожили, у Демида под кольчугой побежали мурашки. Между напряженных лопаток стекла капля ледяного пота. Лицо загорелось, заалело, как от огня. И вдруг суматошные туманные движения в шаре исчезли. Вместо этого стала видна расплывчатая картинка леса, какой-то смутной статуи и небольшой поляны с медленно заходящимся на ней солнцем.

– Фух!– выдохнула Светорада, первая прерывая круг. Ей все еще было тяжело держать поток силы в отличии от своих более опытных подруг. Свечение шара померкло, снова нем замелькали неясные тени. Радислава откинулась назад и тяжело открыла глаза.

– Ну, как?– с надеждой спросил именно ее Демид, покусывая от волнения нижнюю губу.

– Я не ощутила Рогвольда, лишь его тень...

– Такое ощущение, что его тепла уже нет в этом мире,– подхватила Аурика.

– Энергия какая-то холодная,– подтвердила Светорада.

– Я это тоже заметила!– согласилась с советом княгиня.– Но он там был! И это уже кое-что! Дальше можно пойти по его следам, найдя его даже под землей!– все оглянулись на Светораду.

– Я готова!– промолвила она, смутившись.

– Выйди Демид!– скомандовала тут же Велислава.

Послушный командир гвардии моментально все понял и быстрым шагом покинул покои. Дальше начиналась тот уровень магии, которая предназначался не для чужих глаз. Чародейки окружили свою молодую подругу, замершую в центре комнаты с закрытыми глазами. Зашептали заклинания, начиная вокруг нее сначала медленный, а потом все убыстряющийся хоровод. Совсем скоро скорость их передвижений стала такой, что тела ведьм и их одежды слились в одно неразличимое цветное пятно. Светорада открыла глаза, проваливаясь в этот бешеный каскад лиц, рук, платьев и глаз. Затошнило, она глубоко выдохнула, чувствуя, как сила наполняет ее изнутри, как подхватывает и начинает кружить вместе со всеми. Вес куда-то исчез, она парила в полной невесомости. Борясь с тошнотой и жуткой головной болью, а потом все прекратилось. Ее швырнуло вперед, ломая хрупкое тело пополам. Она пошатнулась, но устояла на ногах. Головокружение исчезло. Светорада открыла глаза и осмотрелась, вдыхая смолистый запах молодых елей.

Ведьма стояла на краю широкой поляны, по краям огороженной стройными рядами хвойных деревьев. В центре нее лежала груда драгоценностей, которую хозяйственно перебирал какой-то косматый черноволосый мужик на пару с немолодой женщиной в белом платке. Рядом стояла тачка, куда они все и грузили. Чуть левее, будто вырезанный из камня, замер самый настоящий василиск, а позади него валялся начинающий разлагаться мертвец в черной рясе с вы-

клеванным воронами лицом. От него жутко воняло трупным ядом, но это обстоятельство нисколько не смущала мародеров, продолжавших свою грязную работу. Только неожиданное появление Светорады из воздуха заставило их замереть, испуганно уставившись на колдунью.

– Да уж... – мгновенно оценив ситуацию, проговорила чародейка, аккуратно ступая по ковру из еловых иголок. – И что это мы тут делаем? – строго спросила он, уперев взгляд своих изумрудных глаз на трактирщика с женой, а это были именно они, воспользовавшиеся моим советом об обогащении через некоторое время. Кирилл смешался, не зная, что и сказать, а вот его более бойкая жена выступила вперед, уперев руки в бока.

– А ты откель будешь, такая фифа? – заявила Анна, с завистью разглядывая золотое шитье на шелковом черном платье колдуны. – Какое дело тебе до того, что мы тут с мужем делаем, а? Или варяг проболтался очередной своей потаскушке, что наткнулся на сокровища василиска? Иди отсель, пока цела! – рывкнула она, замахиваясь на ведьму тряпкой, которой она протирала сокровища. От замаха Светорада легко уклонилась, сделав шаг в сторону. Кирилл – типичный подкаблучник уже заподозрил что-то неладное, но было поздно. Анна разошлась, а промах еще больше ее раззадорил.

– Она еще и уклоняется! Проститутка кижевская! За сколько грошей тело свое торгуешь? В кое-то веки нам подвезло с моим, а тут ты, на все готовое! Знаешь, мы сколько

натерпелись от этой твари?— она кивнула в сторону превратившегося в камень василиска.— Сколько клиентов потеряли? Добро наше и не смей на него...

Светораде надоел этот скандал. Она взмахнула правой рукой, шепча про себя заклинание. В тот же миг, Анна, будто споткнулась на ровном месте, замерла, не в силах пошевелить ни ногой, ни рукой, лишь беззвучно разевая рот, как рыба, выброшенная на берег. Увидев такую картину, колдунья рассмеялась, а Кирилл попятился назад, поминая Светлейшего и непрерывно вознося ему поклоны.

— Да прибудет с нами свет его! И воля его!— бормотал он, побросав на землю украденные сокровища.

— Стоять!— рывкнула чародейка, понимая, что трактирщик сейчас убежит, напуганный неизвестным ему колдовством.

Кирилл послушно замер, даже замолчал, хлопая широко открытыми глазами.

— Это кто?— строго спросила она, кивая в сторону разложившегося трупа в рясе.

— Не могу знать, госпожа колдунья...— торопливо заверил трактирщик.— Может василиск его прихлопнул, а может и варяг. Мы когда пришли сюда, он уже тут был...

Светорада кивнула и сделала несколько шагов в сторону мертвеца. Это был несомненно пропавший Рогвольд, разложившийся, с выклеванными воронами глазами, с полным животом белых червей —падальщиков, но жрец, которого искали Матери Езиды, точнее то, что от него осталось. Именно

поэтому энергия во время поиска шла холодная, загробная, почти ледяная.

Светорада наклонилась поближе, скривив губы. Воняло от трупа жутко. Ряса задралась вверх, обнажив худые волосатые ноги. Рот открыт, живот распорот и в нем копошатся полупрозрачные трупоеды.

– Его обыскивали?– кивнула она на мертвеца, повернувшись снова к Кириллу.

– Не дошли пока...– хмуро покивал головой трактирщик, обеспокоено поглядывая на застывшую жену.

– Да оттаает она,– поняв его беспокойство, пообещала Светорада, чуть позже, как я уйду...

Она ловким движением распорол карман рясы и, преодолевая брезгливость, покопалась в нем. Пусто...Тоже самое со вторым. Задрала подол выше, проверяя, нет ли на нем пояса. Печати нигде не было!

– Точно не обыскивали?– сделав, как можно страшное лицо, спросила она снова.

– Как можно...– плачущим голосом проговорил Кирилл.– Покойник ведь!

Светорада задумалась. Почему-то ей показалось, что трактирщик говорит правду, а раз так, то Печать Рогвольд, либо успел спрятать до встречи с василиском в тайном месте, либо ее забрал кто-то другой...

– Ты говорил что-то про варяга?– вспомнила она, отвора-

чиваясь от погибшего жреца. Это была особая каста наемников-убийц нечисти. Появились они еще во времена Горислава – первого Великого князя, выступив против Мамона на стороне Пяти Княжеств. С тех пор существовал их орден, с детства воспитывающих опытных воинов, достигших такого мастерства в своем ремесле, что не было им равных во всем мире.

– Был варяг...был... – торопливо закивал Кирилл. – Василиск путников умерщвляет, торговля не идет! Тракт опустел. Вот жинка мне и посоветовала написать письмо в Обитель. Послали мы голубя, а через неделю является молоденький такой, светловолосый, с саблей за спиной. Он чудище-то и прикончил, а может и этого... – трактирщик кивнул брезгливо в сторону Рогвольда.

Может и этого...Светорада устало потерла глаза, отвернувшись от Кирилла. Может и прикончил? А может и нет? Как не крути, а Печати при Рогвольде не оказалось, а единственной ниточкой в дальнейших ее поисках был неизвестный светловолосый варяг, который ушел неизвестно куда. Хотя почему неизвестно?

– А куда он собирался идти дальше не говорил? – спросила она у Кирилла.

– А как же! В Киж, в крепость пошел! – почему-то виновато опустив глаза, доложил трактирщик. Ему совсем не хотелось рассказывать столь могущественной колдуньи, как некрасиво они поступили с варягом.

– Отлично!– потеряла ладони довольно Светорада. Ей почему-то казалось, что много варягов в столице княжества будет не слишком много, а значит, снова появляется шанс найти утерянную Печать. Колдунья резко взмахнула руками, творя ворожбу, но Кирилл ее остановил:

– А жинка как же, госпожа ведьма? Жинка моя-то? – просительным голосом проговорил он, указывая на застывшую Анну.

– Как исчезну, отгад!– отрезала Светорада, повторяя свой взмах руками. В тот же миг вместо белоснежных кистей с тонкими пальцами, у нее появились гладкие, блестящие крылья черного цвета. Голова вытянулась, нос заострился, обращаясь в клюв. Ноги стали уменьшаться в размерах, покрываясь птичьей кожей. А еще через мгновения перед Кириллом топталась настоящая черная ворона, каких были сотни в этом лесу. Ворона издала громкий сварливый «карр» и неловко взлетела, привыкая к новому облику, постепенно набирая высоту и направляясь в сторону крепости, вскоре скрывшись в пелене перистых облаков.

Кирилл, с трудом, отвел от неба взгляд, посмотрев на застывшую жену. Раздался пронзительный треск. Кожа Анны пошла мелкими черными трещинками. Трактирщик испуганно ахнул, прикрыв заросший густой бородой рот, ладонью, а потом она заговорила и даже неловко стала двигаться.

– Разболтал все, скотина безрогая!– закричал она, едва избавившись от немоты.– Одни проблемы от тебя, дуболом

лесной!

Анна замахнулась на мужа тряпкой, которой уже пыталась побить Светораду, но заклинание, видимо, еще не отпустило скандалистку. Она упала, а Кирилл бросился ее утешать, что-то нежно приговаривая на ухо.

Розовый рассвет окрасил серо-зеленые воды Агейского моря в красный оттенок. Бурые водоросли вместе с выброшенными на берег медузами валялись на берегу, создавая некую апокалипсическую картинку. Макар искал спрятанные под огромным валуном весла и оглянулся на отца, тащившего сети.

– Помочь?– спросил он, но Кондрат – отрицательно покачала головой, намекая на то, чтобы сын готовил лодку. Для их семьи рыбалка была единственным средством к существованию. Ежедневные выходы в море в любую погоду, а потом долгий торг на базаре, приносили хоть какой-то доход, позволяющий выжить Макару и трем маленьким сестрам.

Парень оглянулся на Агею, еще не проснувшуюся, лениво-нежную, будто украшенную каким-то огромным розовым полотнищем. Он любил свой город, любил свое княжество, которое было не похоже ни на какое другое в этом мире. Чего стоят только длинная набережная с каменными портиками с густыми садами и древними скульптурами, город, который крепостью назвать язык не повернется, широкими светлыми улицами, медленно тающими под лучами последнего, теплого осеннего солнца? А море? Это бескрайние удивительное пространство воды будоражило воображение, настраивало на лирический лад, забывая о том, что необходимо ра-

ботать. Об этом ему напомнил Кондрат, совсем не лирически отвесив тяжелый подзатыльник, выводя сына из ступора, в который его поверг прекрасный вид раннего утра.

— Пора выходить!— проговорил он, усаживаясь на весла, напевая под нос какую-то веселую песню.

Макар подобрался к корме и слегка напрягся, сталкивая узкую остроносую лодчонку в воду. Голые пятки обожгло прохладной водицей, ласково коснувшись бурлящей пеной прибоя его оголенных щиколоток. Лодку качнуло на волнах, обдав парня мелкими солеными брызгами.

— Пора!— коротко повторил отец, налегая на весла, только по одному ему известному признаку определяя, когда и в какое время будет хороший клев. Макар последовал за ним, легко закинув поджарое, загорелое тело в лодку, наслаждаясь предрассветной тишиной.

— Сегодня на торг придет корабль из Иды за рыбой,— рассказал Кондрат,— привезет купцов из Стибора и Киж. Нам надо будет хорошенько потрудиться, чтобы успеть к его погрузке!

— Хорошо, отец!— Макар, довольный тем, что сегодня ему не достались весла, из-под ладони наблюдал за горизонтом. Лодка шла споро, разрезая бурлящим форштевнем бурлящий поток. Берег оставался где-то далеко позади, затягиваясь сизой предрассветной дымкой.

— Погода сегодня удалась...— проговорил мечтательно он, опускаясь в лодку.

– И то, правда! Мать просила...

Кондрат договорить не успел. Где-то в верстах двух от берега, их качнуло на внезапно взявшейся откуда-то волне. Подбросило вверх и опустило.

– Анчибал тебя заberi!– ругнулся отец, с трудом восстанавливая курс.

– Что это было, отец?– спросил Макар, стряхнувший с себя оцепенение.

– Да кто же его...– начал было Кондрат, но замер, наблюдая, как в нескольких саженьях от них стала бурлить вода. Огромные прозрачные пузыри лопались, поднимаясь высоко вверх.

– Что за демон морской играет с нами сегодня?– удивился он, наблюдая, как этот бурлящий поток все ближе приближается к их лодке.– Сколько в море хожу, никогда такого не видел...

– Отец, смотри!– Макар указал рукой левее, где плеснула хвостом огромная рыба, подняв облако брызг.

– Море волнуется...

– К чему бы это?– спросил сын, заглядывая в мутно-зеленую воду, но ничего кроме водорослей и мелкой ряски там не находя.– Штормит...

– Шторм был вчера!– Кондрат оставил весла, каким-то шестым чувством ощущая, как вокруг сгущается опасность.

– Может, уйдем?– предложил Макар.

– А как же...

Бурлящая вода подкатила вплотную к правому борту. Обогнула лодку и исчезла где-то в морских глубинах. Все вокруг стихло.

— Точно демон какой-то... — согласился с отцом Макар, намериваясь достать сваленные кулем сети.

И тут откуда-то из-под днища, взметнув фонтан брызг, вылетел ярко-красного цвета щупалец. Взлетел вверх, повисел немного, а потом с грохотом рухнул обратно.

— Кракен! — закричал Кондрат, бросаясь к веслам, но было уже поздно. Вслед за первым щупальцем появилось второе, третье. Вода пузырилась вокруг, будто закипевшая.

— Нож! Бери нож! — полным отчаяния голосом заорал Кондрат, пытаясь выгresti из этой ловушки, но лодка торчала над этим местом, как привязанная. — Если попробует ухватить, руби!

Макар отчаянно зашарил по днищу в поисках рыбацкого ножа. Тот куда-то закатился, и ему пришлось перевернуть почти все сети, прежде чем в его подростковой руке мелькнуло серой сталью фигурная рукоять.

— Руби! — красное щупальце зацепилось за край, качнуло ее, проверяя на прочность. Макар на ногах не устоял, и его бросило на отца. Затрещал нос, крепко перехваченный Кракеном. — Руби! — такого ужаса в глазах своего отца он еще никогда не видел. Со всего маху, наотмашь, особо не целясь, он ударил по скользкому щупальцу. Нож провалился в него, словно в желе. Синяя жидкость засочилась из небольшого

пореза.

– Руби!– это было последней каплей. Все восемь отвратительных лап осьминога взметнулись вверх и опрокинули лодку. По затылку что-то ударило, видимо, Макар приложился о край борта. Рядом кто-то барахтался, хватая его за руку. От ужаса пришлось открыть глаза, но лучше было бы этого не делать. Прямо перед ним в мутной воде, исчерченной крупными пузырьками воздуха, дрейфовал огромный осьминог, необычайных размеров. Его бесформенная голова плавала неподалеку, а рядом с ним, куда хватало взгляда, море было заполнено сиренами, русалками, водяными и амфибиями. Воздух в легких кончился, Макар попробовал всплыть наверх, но, лишь только опустил голову вниз, увидев медленно тонущего отца с выпученными от асфиксии глазами и зажатую намертво щупальцем ногу, понял, что это все бесполезно. Глотнул воды раз, потом другой... Легкие обожгло острой болью, и парень не стал терпеть, пуская соленую воду в себя, теряя медленно сознание. Последнее, что он запомнил в этой жизни, были насмехающиеся глаза-пуговицы Кракена.

А тем временем князь Агеи Корней лишь недавно прибыл с похорон в свое самое южное княжество. Осенняя распутица начала понемногу охватывать весь Большой тракт, тянувшийся через всю страну и связывающий между собой разные регионы Пяти Княжеств. Долго пришлось ждать смены лошадей неподалеку от Езиды. На постоялом дворе Корней долго боролся с искушением повидаться с Велиславой. Они

после воскрешения Мамона и похорон Великого Князя, так и не удосужились поговорить. Впрочем, Матери Езиды давным-давно были сами себе на уме, мечтали о какой-то призрачной независимости от Стибора, строили планы и козни, вставляя палки в колеса центральной власти. Невозможно было представить, чтобы они не попробовали именно сейчас воспользоваться ситуацией, чтобы заявить о своем отделении и самостоятельности. А значит... Значит ему с Езидой не по пути. Он останется верным сторонником союзного государства, даже, несмотря на то, что Борис слаб, потерял печать и не производит впечатления готового взять власть в руки человека. Ничего! Корней поможет ему в его становлении, а потом, чем анчибал не шутит, когда Светлейший спит, может и станет кем-то вроде регента возле молодого князя. Киж? Самое дальнее и неприветливое княжество всей планеты. Особого пиетета перед его хитрым и изворотливым правителем, вышедшим из торгашей, он не испытывал, в некоторых моментах и вовсе презирал, а вот князя Иды – потомственного аристократа смущался, вспоминая в его присутствии о своих довольно скромных манерах и воспитании у жрецов. В них союзников тоже искать было бессмысленно! Князь Иды прильнет к тому, как портовая девка, от кого ему будет больше выгоды, будь то сам подземный демон Мамон, а вот Идовский князь... Тот останется верен присяги, иначе дворянское воспитание не позволит, но будет действовать строго в рамках вассальских договоров. Вообще по всему

выходило, что Агея со Стибором останутся с новым врагом один на один. И кто одержит вверх в этой битве остается загадкой. Согласно преданиям, много сотен лет тому назад Мамона удалось победит, лишь объединив все силы, как получится сейчас? И получится ли вообще? Или это конец эры человечества на этой грешной земле и наступления тьмы?

– Ты не спишь, родной?– сонным голосом пробормотала княгиня, уснувшая на плече мужа, когда он погрузился в свои печальные мысли.

– Не могу уснуть...– виновато улыбнулся князь, любуясь красотой своей жены. Ее темные густые волосы волнами спадали на оголенные плечи, игриво скользя по глубокой ложбинке между очаровательной грудью. Точеное загорело тело льнуло к нему, пытаясь согреть своим теплом и отвлечь от грустных рассуждений.

– Это из-за проснувшегося демона?– спросила она, мгновенно просыпаясь, страхиая с себя остатки сна.

– И из-за него тоже...

– Кажется, ты принимаешь все близко к сердцу!– заметила княгиня, привставая на локте.– Кроме, как показательного появления на похоронах, Мамон не отметился никакими действиями, ни плохими, ни хорошими. Возможно, у него не той силы, что была раньше...

– Это бред! – вскочил с кровати Корней, проходя к окну.– Он бы не стал этого всего затевать, лишь бы только напугать нас! Значит за ним стоит тьма! Настоящая тьма! О, как не

вовремя почил Великий Князь!

Со всей силы он грохнул кулаком по столу. Тонкостенные бокалы отозвались на это хрустальным перезвоном. Один разбился, рухнув на мозаичный пол. Княгиня поняла его состояние. Встала, грациозная, сексуальная желанная, фигуру которой не испортили, а наоборот наполнили женственностью трое тяжелых родов, подошла и обняла за мускулистые плечи, жарко дыша ему на ухо, так что ее легкое дыхание щеколтала шею, заставляя не думать о государственных делах.

— Милый, любимый, родной...— ее жаркие полные губы скользнули по его щеке, коснувшись щеки.— Все будет хорошо, я уверена! Печать найдется! У Пяти княжеств будет Великий Князь, и ты займешь подле него достойное место...— нежные руки погладили его грудь, опустились к животу, вызывая жгучее желание.

Корней резко развернулся к жене, поворачиваясь к ней лицом. Он ее хотел! Хотел спустя десять лет почти так же, как в первый раз, когда увидел ее в невесомом шелковом наряде на набережной Агеи, который не скрывал, а наоборот подчеркивал легкую угловатость юной женской фигуры, ее сексуальность и отличные формы.

— Тамара...— его губы впились в нее, будто князь хотел выпить ее до конца, а она подалась к нему, касаясь всем телом, бесстыдно лаская мужа.— Тамара...

— Я люблю тебя...— княгиня потянула Корнея за собой в постели, опрокидываясь на нее.

– Тамара!– все мысли мгновенно испарились из его головы. В висках шумело и билось жгучее желание ощутить себя в ней.– Родная моя...

Стук дверь сбил его, улетучив лирическое настроение.

– Князь! Ваше Высочество!– в покои уже откровенно тарабанили. В голосе своего ближника Глеба Корней разобрал нотки почти что паники. Он отпрянул от жены, поймав ее напряженный взгляд.

– Что случилось? – спросила она, глядя на него преданными глубокими, как омут глазами.

– Пока не знаю...– князь Агеи легко вскочил с постели, сохранив в свои пятьдесят почти юношескую легкость, распахнул створки.

На пороге стоял его ближник Глеб в кольчуге и шлеме. В руках окровавленный меч, а правая рука наспех перемотана какой-то шелковой тряпицей, похожей на гобелен. Лицо искажено и испуганно.

– Враг! Враг в Агеи, княже!– прокричал он, с не схлынувшим азартом только что закончившегося боя.– Тьма! Тьма наступает!

– Подожди, Глеб...– растерялся Корней, оглядываясь на спешно одевающуюся Тамару, наплевавшую на приличия и натягивающую через голову нательную сорочку. – Какая тьма? О чем ты?

– Полчаса назад на город напали со стороны моря! Передовые дозоры уничтожены! Их заманили сирены прямо на

глубины во всех доспехах! Заметив это, на крепостных стенах подняли тревогу, но слишком поздно... Они появились из морских глубин. Сотни, может тысячи... — речь ближника постепенно успокаивалась, стала более разборчивой.

— Кто? Кто появился? — голос спешно одевающегося Корнея дрогнул.

— Утопленники... Тысячи утопленников! Они ползут сюда, ко дворцу!

— Какие утопленники? — меч был уже на поясе. Князь проверил, как он выходит из ножен, серьезный и сосредоточенный.

— Морские... Море беспокойно. Штормит, а нечестью командуют какие-то непонятные мне люди... У них вот тут... — Глеб провел по своей шее, чуть ниже уха, мочку которого отрезали в одной из схваток с пиратами, настоящие рыбы жабры!

— Амфибии! — прошептала Тамара, но Корней зыркнул на нее глазами, словно жена сморозила глупость.

— Их не было уже несколько веков в наших краях! — отрезал он.

— Значит появились!

— Их кто-то привел! Они подчиняются кому-то одному, действуют слаженно, не так как во время Походов Очищения! В них нет растерянности, это настоящее, хорошо организованное войско, княже! — заметил Глеб.

– Надо поднимать всех на стены!– скомандовал Корней.– Агею им не взять!

– Поздно, я только что оттуда! Нечисть в крепости! Слабые заслоны держатся только лишь для того, чтобы суметь вывести из столицы вас и вашу семью...

– Нет!– отрезал Корней, не в силах поверить, что его княжество отобрали, отобрали силой.– Я никуда...

– Княже, это единственный выход!– просительно произнес Глеб.

– Подумай о наших детях!– взмолилась напуганная Тамара.

– Я о них и думаю...– коротко отрезал Корней, бросаясь к окну. Распахнул узкую резную створку. Впуская в покои едкий запах гари и дыма. Агея была занята плотным кольцом ярких оранжевых огоньков пламени от горящих домов. В районе порта чадил старый деревянный маяк, превратившийся в пятнадцатиметровый огненный факел. Повсюду разносились отчаянные женские крики и лязг оружия. В узком квартале Бакалейщиков шел ожесточенный бой. Спрятавшись за искусственно сделанные баррикады воины его дружины ни на жизнь, а на смерть рубились с нечестью. На квартал выше храбрых защитников обходил небольшой отряд утопленников, чтобы взять их в кольцо. Судя по их организации и тактики, ими действительно кто-то управлял извне. Слишком уж подготовленной и организованной была эта молниеносная атака. Уже на подходах к самому дворцу

Корней заметил группу крепких молодых людей без доспехов, которые стремительно приближались к его резиденции, умело обходя поставленные ловушки и засады. В поставленной перед ними цели можно было не сомневаться. Эти нелюди шли убивать его и всю его семью.

При виде горящего полуразрушенного, некогда прекрасного, города наступило какое-то опустошение. Князь долго не мог оторвать взгляда от ужасной картины, в которую превратилась его столица. Спасать что-то, было уже бессмысленно. От осознания этой простой мысли защемило сердце. Он любил свою Родину... Усилием воли князь сдержался. Правитель всегда должен оставаться правителем, даже в такой ситуации, как эта...

— Корней... — раздался позади него голос жены. Когда же она успела собрать детей? Маленький Лука сладко посапывал у нее на руках, подросшие Устим и Марьяна держались за спину матери, протирая заспанные глаза. Впереди стоял решительный Глеб, готовый умереть за семью своего князя.

— Да... — убитым голосом произнес он, стараясь не показать своей горечи и боли, затмившей разум.

— Надо бежать... — то ли попросила, то ли приказала Тамара, решительно направляясь к входной двери. Корней потерянно шагнул в след за женой. Как много раз делал до этого.

— Бежать... — прошептал он, бросив прощальный взгляд на свои покои. Вернется ли он когда-нибудь сюда? Что будет дальше?

– Княже!– совсем невежливо его за плечи тряхнул ближник, возвращая в реальность, в которой надо было бороться за свою жизнь и жизнь своей семьи.

– Ты прав!– решительно кивнул головой князь Агеи.– Надо спасаться...

Они двинулись по лестнице, ведущей в подвал. Когда-то давным-давно, еще прадедом Корнея, там был выкопан черный ход, предназначенный для того, чтобы старый князь мог свободно от своей жены посещать молодых красавиц на улице Маков. Прадед умер, а ход остался, поддерживаем в нормальном состоянии непонятно отчего. Вот теперь пригодился! И Корней, в который раз удивился прозорливости своей мудрой жены, настоявшей на этом.

Одним движением Глеб сорвал с креплений факел, чиркнул кресалом, подпаливая пропитанную маслами тканям, тут же зачадившую сажей.

– Я вперед!– кивнул он, смело шагая в темноту.

– А зачем мы туда идем?– поинтересовался Устим у матери, но Тамара лишь строго одернула мальчика, напряженно вслушиваясь в звуки боя, доносившиеся откуда-то сверху.

Узкие ступеньки, казалось, вели в никуда. Корней механически переставлял ноги, раздумывая над своим бедственным положением. Куда бежать? Что делать дальше? Как вернуть утраченное? От всех этих мыслей и недостатка кислорода тяжелела голова, отзываясь в затылке тупой чугунной болью. Черный ход казался бесконечным. И если бы не со-

пящее дыхание его малышей, то он тут же рухнул под тяжестью ответственности.

Марьяна захныкала, прося пить. Скоро ли? Страх, что они не выберутся из этого подземелья сводил с ума. Тамара негромко молилась Светлейшему, наводя еще больше ужаса.

– Свет!– прокричал идущий впереди Глеб, указывая горящим факелом на дорожку прочерченную луной от самого выхода из черного хода.– Выход! Мы вышли!

Накатило облегчение. Корней выдохнул, мучимый чувством стыда, что так безобразно сдал свои родную Агею в лапы врагу, да еще и какому!

– Поднимайтесь! Тут все спокойно...– ближник князя первый выбрался наружу и осмотрелся. Вслед за ним на воздух вышли Тамара с детьми и Корней.

Черный ход прадеда вывел их на морское побережье, за дальней крепостной стеной. Справа горел порт, позади черными клубами дыма окутанный, чадил город.

– Здесь неподалеку конюшни!– сообщил Глеб, осмотревшись.– возможно нам удастся добыть транспорт...

Шурша мелкой галькой, он отправился на поиски, оставив семью князя в одиночестве. Расселись возле небольшого валуна. Крики стихли. Небо серело, уступая место рассвету. Ночь сменялась днем, и меркли узенькие огоньки звезд. Ласково шумел прибой, разбиваясь о покатый берег. И все так, словно они вышли на природу, чтобы выгулять маленького Луку, и нет войны, нет убийств, не гибнуть люди у них за

спиной, чтобы дать им пусть мизерный шанс, дабы спастись, ценой своей жизни, даруя им ее. Агея...

– Все будет хорошо!– Тамара прижалась к плечу мужа, и Корней ощутил, как по ее щеке стекает холодная, словно льдинка, слеза.

– Я знаю, дорогая!– усилием воли он заставил себя улыбнуться, чтобы не ощущать себя совсем уже бесчувственным чурбаном. – Не бойся!

– Мама, смотри!– маленький Устим, бродивший неподалеку, указал чуть дальше по берегу, где на гальку, выползла из вод нечто, мало похожее на человека. Как этого утопленника сюда занесло было непонятно... Видно, отбился от своих и решил атаковать здесь.

– Мамочка!– Марьяна юркнула Тамаре за спину, выглядывая из-за широкой юбки такими же, как у княгини, глубокими черными глазищами, которые сведут с ума ни одного мужчину, когда она подрастет.

– Устим, назад!– мгновенно скомандовал Корней, вытаскивая меч. В этом случайно попавшем на эту часть берега утопленнике для правителя Агеи сосредоточилось вся та ненависть, которую он испытывал к слугам тьмы. Именно в нем он нашел корень всего того зла, которое принес Мамон на его землю.

Утопленник был еще молод. Его юное лицо исказила поросшая розовыми кораллами щека. Мутные рыбы глаза смотрели на Корнея с ненавистью. Гнилые зубы защелкали, а

острый, как ржавый кусок металла с неожиданным проворством метнулся к груди князя. Тот отступил, оглядываясь назад. Нельзя было рисковать Тамарой с детьми, а так хотелось насладиться этой маленькой мстью. Он сделал шаг вперед, совершая ложный выпад, поймал его утопленника на противоходе и воткнул острую сталь ему в бок. Брызнула морская вода, обдав его гнилым смрадом разложения.

– Получай!– крикнул Корней, вытаскивая оружие, но утопленник и не думал останавливаться. Он пер буром, напролом, стремясь подавить князя своей мощью.

– Ах ты, тварь!– проревел повелитель Агеи, когда острый обломок просвистел у него прямо над ухом.

– Умри!– острое лезвие его меча чиркнула еле заметно по шее утопленника, но езидская сталь была великолепна. Голова с коралловой щекой с легким чмоканьем покатилась по гальке. Рыбьи глаза безжизненно уставились в одну точку.

– Что теперь будет...– прошептала Тамара, молясь Светлейшему, прижимая детей к себе.

– Мы едем в Стибор!– заметив ведущего на поводу лошадей Глеба, сообщил Корней, принявший решение попросить помощи у своего сюзерена.– Другого выхода нет...

В детинце было шумно. Казалось бы, девять дней не прошло еще с момента похорон Великого Князя, а о нем уже все позабыли, вернувшись к своим повседневным делам. И не было печали в глазах жителей Стибора, не было грусти по усопшему, лишь сосредоточенность и надежда на будущее, которое они, безусловно, связывали с новым наследником княжества. «Король умер, да здравствует король!» Давным давно читал Прохор об этом обычае, распространенном у народов, живущих на том краю Агейского моря. Никто не скорбел, никто не жалел, все надеялись на лучшее. Вот и жители Стибора старались не унывать.

На широком дворе, истоптанном десятками ног, так, что теперь эта площадка напоминала твердый камень, друг напротив друга кружили двое воинов из дружины Великого Князя. Вокруг бойцов собралась внушительная толпа болельщиков, которые поддерживали то одного, то другого. Раздавались молодецкое уханье и свист, но соперники не обращали на происходящее вокруг никакого внимания, были сосредоточены и собраны.

Прохору уступили место впереди всех. Он скрестил руки на груди и стал наблюдать за тренировочным боем, подмечая опытным взглядом ошибки бойцов.

Вот один из них, сделав ложный выпад, бросился в ата-

ку, размахивая булатным клинком так, словно намериваясь снести противнику голову одним ударом. Более легкий и юркий его соперник мгновенно ушел в сторону, поднырнув под меч. Откуда-то из-за голенища сапога у него появились два коротких ножа, которыми он тут же полосонул по голенищам врага. Будь, это реальный бой, то воин с мечом уже давно бы валялся на земле с подрезанными сухожилиями, готовясь принять смерть. Зрители одобрительно загудели, отмечая удачное действие воина, а тот обернулся назад, поймал взгляд Прохора и тут же убрал ножи в голенища сапог.

– Куда?– разозлился его противник, зарывчав медведем, бросаясь ему вдогонку, но юркий боец даже не взглянул в его сторону. Вместо этого он гордо зашагал прочь, лишь раз встретившись глазами с Прохором.

– Трусливый шакал!– прокричал ему в след обиженный богатырь, но все было впустую, ловкий боец исчез со двора детинца, а минуты через три, усмехаясь в свою окладистую бороду, за ним последовал и ближник Великого Князя.

Дружинника он нашел в самом дальнем углу крепости, где тот сидел на невысоком крыльце княжеских кладовых, выстрегивая своими ножами детскую свистульку. Это был небольшого роста крепкий молодой парень с тонкой щегольской полоской темных усов. Кудрявые волосы его никак не хотели нормально укладываться и лихо торчали в разные стороны. Длинный нос с горбинкой делал лицо воина малоприветливым и даже суровым. Одет он был в простую удоб-

ную рубаху-косоворотку, мягкие сапоги из воловьей кожи и холщовые шаровары. Ни кольчуги, ни шлема на нем не было, и только эти два смертоносных ножа, да суровый взгляд говорили о том, что молодой парень принадлежит к элитной касте воинов-дружинников.

– Помнится, – промолвил недовольно Прохор, – я запрещал вступать в схватки ближникам с гриднями. Пусть и в тренировочные...

– Брось, отец! – отмахнулся от укора парень, продолжая строгать свистульку. – Это-то и боем назвать нельзя, так же как воинам этого чурбана с мечом!

– Это был боярин Влад! – укоризненно покачал головой Прохор, присаживаясь рядом. – Один из лучших в дружине гридней.

– Он слишком полагается на свою силу! Махает мечом, как коромыслом... – улыбнулся парень, убрав ножи и закончив работу.

– Аким...

– Отец, ну подрезал я ему сапоги, ну указал на его место, уж больно заносчив был! А как иначе тренироваться? Дела-то никакого давно нет, и Очистительные Походы забросили!

– Он затаит обиду... – заметил Прохор.

– Пусть таит! На обиженных...

– Хватит, Аким! – оборвал его резко ближник Великого Князя. – По делу я, государственному...

Глаза парня загорелись от ожидания чего-то интересного. Он придвинулся ближе к отцу, забыв о смастеренной свистульке.

– Говори!– попросил он, жадно ловя каждое слово.

– Княжья Печать пропала!– как обухом топора врезал Прохор, рубанув с плеча.– Приказано нам ее отыскать, во что бы то ни стало... Борисом приказано, князем нашим...

– А...– начал было Аким, но был прерван отцом.

– Жрец светлейшего Рогвольд похитил ее, когда соборывал усопшего государя нашего. Похитил и скрылся! Отыщем его, отыщем Печать, так что некогда нам тут свистульки мастерить, да бояр в детских игрищах побеждать! Дело надо делать!

– Я готов! Отец, да я...– Аким от избытка чувств, даже вскочил со своего места. Он очень долго мечтал об именно таких приключениях, чтобы непременно в государственных интересах, да с опасностями, да с приключениями.

– Остынь! Для начала надо определить, где искать паршивца. И лишь потом идти по следу...– остудил пыл сына Прохор. –Для этого надо собрать небольшой отряд верных нам людей. Сможешь?– уточнил отец, нахмурившись.

– Любой почтет за честь...

– Сможешь? – насупил брови Прохор.

– Конечно!

– Десяток через пару часов должен быть готов к походу!– заявил старший ближник, почесывая бороду.

– Они будут готовы! А куда отправимся? Где спрячется этот предатель?– Акиму идея поисков пропавшего жреца понравилась, захватила его. И он горел желанием немедленно действовать.

– Есть у меня она идея,– уклончиво ответил отец. Отпуская сына собирать отряд, а сам отправился к Храму Светлейшего, чтобы побеседовать со жрецами об их бежавшем руководителе.

В храме шла служба. Ее пришлось выстоять почти всю, преклонив колени по стиборскому обычаю, внимая нравоучительные речи одетого в позолоту певчего. Тот рассказывал о всепрощении, воспевал доброту и милосердие, а сам то и дело косился на чан для пожертвований, в который прихожане бросали монеты от медяков до полновесных грошей. Прохор жрецов, где-то на самом глубоком уровне подсознания, презирал, именно за эту жадность, алчность и восприятие веры, как нудную однообразную работу. В его скудном понимании воина, вера каждого человека должна была храниться где-то в душе, иметь свой вид, а не обрекаться в определенные жесткие формы обрядов и жертвоприношений. Каждый человек, приходя в храм Светлейшего, должен был иметь право молиться так, как ему велит сердце, и каждого из этих людей должны были принять, обогреть, где-то помочь, где-то выслушать, не взимая за это платы.

Наконец, певчий слез с трибуны, окурив ближние ряды терпким запахом какой-то травы, от которой каждый раз

Прохора начинало тошнить. Прошел величественно к выходу, поминутно благословляя прихожан своей крепкой рукой, и скрылся в каком-то незаметном проходе. Ближник Великого князя огляделся по сторонам и скользнул за ним.

За неприметной дверью его встретил узкий коридор, освещенный развешенными лампадками на стенах. Каменные ступени вели куда-то вниз, где проживали жрицы. Прохор быстро спустился вниз и оказался перед двумя одинаковыми дверями. За одной из них слышались громкие мужские голоса. Именно туда и скрылся певчий. Решил для себя княжеский ближник. Толкнул створку и огляделся.

Полный мужчина с благообразной бородой и почти что святым, полным смирения взглядом снимал с себя тяжелую позолоченную рясу. Ему помогал молодой служка из учеников. Кадило валялось на столе, тлея еще неостывшими углями. Оба священнослужители испуганно обернулись на дверной стук, будто их застали за чем-то неприличным.

– Вы кто?– спросил жрец, нахмутив брови и быстро придя в себя.

– Мне бы поговорить...– замялся Прохор, не зная, как себя лучше представить.

– Пойди вон...– властно кивнул служке усталый певчий, присаживаясь на колченогий табурет. Тот мгновенно послушался, прикрыл за собой дверь, но остался за ней, видимо подслушивая. Прохор так и не услышал шагов по коридору.

– Как я понимаю вы ближник Великого Князя?– демон-

стрируя свою осведомленность, начал разговор жрец. Его седые волосы были растрепаны, и вид он имел не самый здоровый.

— Прохор я!— подтвердил воин, неловко присаживаясь рядом.

— И, скорее всего, вы хотите поговорить о Рогвольде и его бегстве?— понятно кивнул жрец.

— Точно так!

— Все, что я знал, я уже рассказал Тайному приказу. Никаких новых сведений у меня нет!

— И все же...

— Я...

— Ваше Святейшество, поверьте, что дело государственной важности!— настоял Прохор, как бы небрежно тронув рукоять меча и нахмутив брови.— Расскажите еще раз все и по порядку.

Жрец вздохнул, поняв, что упрямый ближник от него не отстанет.

— Когда Князю стало плохо, и понятно было, что он не выживет. Храм принял решение соборовать его. Государь попросил, чтобы это сделал верховный жрец Рогвольд. Как получилось, что Печать оказалась в руках этого проходимца я не знаю, но вернулся он, видимо, уже с ней. Заперся в своей келье. Не вышел на вечернюю службу. Я отправил служку позвать его, но и тот не вернулся. Тогда к жрецу пошли я и несколько моих братьев по вере, обеспокоившись. Обычно

Верховный ведет вечером службу. Там в коридоре мы обнаружили убитого служку и то, что Рогвольд исчез. Из конюшни пропала лошадь и упряжь на нее. Все... — развел виновато руками певчий, словно бы извиняясь за скудость информации.

— Конюха допросили? — быстро уточнил Прохор, пощипывая кончик бороды, раздумывая, куда вместе с Печатью мог бежать жрец.

— У нас нет конюхов. Все работы по хозяйству выполняют служки — будущие наши жрецы. И...

— Какая разница, — недовольно буркнул Прохор, — служку или конюха! Того, кто подготовил Рогвольду лошадь?

— Он дал обет молчания и...

— Что? — ближник подумал, что ему послышалось.

— Служка, работающий на конюшне, дабы замолить свои грехи дал обет молчания, и сказать что-либо не может! — пояснил новый Верховный жрец с надменной улыбкой, которую ближнику Великого князя тут же захотелось смазать дубиной. Тут государево дело, а они в клятвы играют! Бред, да и только!

— Какой обет? Похищена Княжеская Печать! — взъярился Прохор, стукнув по столу кулаком.

— Тайный Приказ принял наши объяснения и оставил служку в покое! — тут же повысил голос священнослужитель, привстав со своего места.

— Я не Тайный Приказ. Поверьте, ради меня он нарушит

обет! Где я могу его найти?— разозлился Прохор, направляясь к выходу.

— Я запрещаю вам...

— Понятно в конюшне!

Пинком распахнул дверь. В коридоре кто-то громко вскрикнул, и Прохор увидел того самого ученика, который разоблачал Его Святейшество после службы. Служка держался за поломанный нос, пытаясь остановить непрерывно льющуюся кровь. Ага, значит, все-таки подслушивал! Бросив на него презрительный взгляд, отправился наверх, на память ища дорогу к конюшням.

— Послушайте, вы!— неслоь ему в след.— Я буду жаловаться! Я напишу прошение князю Борису о смещении вас с должности...

Но всех этих слов Прохор уже не слышал, поднявшись в большой зал храма. Люди уже разошлись по домам, отстояв вечерню. Только у икон бродили несколько женщин, ставивших свечи за здоровье своих родных, да шепотом переговаривался хор, где-то наверху.

— Где конюшня?— Прохор схватил за грудки первого попавшегося на глаза служку, не успевшего убежать, слегка приподняв его над землей, сверля суровым взглядом, от которого теряли сознание и более опасные противники.

— Я...

— Быстро говори!— он встряхнул мальчишку, наводя на него еще больший ужас.

– На заднем дворе у сеновала!– залепетал парень, кулем валясь на пол. Широким шагом Прохор вышел во двор. Там было тихо. Яркое освещенный огнями факелов храм горел, как новогодняя сентябрьская елка. Осмотревшись, ближник князя определил, где тут сеновал, и толкнул соседнюю дверь. В нос ударил запах лошадиного пота слышалось ржание и негромкий перестук копыт. Кони разволновались. Служка, принявший обет молчания, бессовестно дрых, чему-то своему улыбаясь во сне. Грязная ряса заползла наверх, обнажив худые волосатые ноги. Руки благообразно скрещены на груди, а из полуоткрытого рта разносится могучий храп.

– Ну-ка, вставай-ка!– Прохор резко дернул служку за ногу, заставив того мгновенно проснуться. Ударившись затылком о перекладину.– Ты конюх?– обратился к нему ближник, буравя суровым взглядом. Тот согласно кивнул, сцепив ху-досочные губы.

– Вот и отлично!– дружинник достал меч, и со всего маху рубанул рядом с головой ученика жрецов. Тот вскрикнул, уклоняясь, пытаясь нелепо заслониться руками.

– Вот уже прорезался голос...– удовлетворенно кивнул Прохор.– Смотри-ка, и обет нипочем! Значит, слушай меня, следующим ударом я отрублю тебе руку. Если будешь молчать, сделаю тоже самое со второй, потом перейду к ногам, и никакой обет тебе не поможет спастись! Понял?

Служку кивнул. Прохор с удовлетворением слышал, как стучат зубы у паренька.

– Вот и отлично, что понял! Ты собирал Рогвольда в побег?

Служка лишь кивнул.

– Говори!– меч с негромким стуком врезался в деревянную перекладину над правым плечом ученика жрецов.

– Я! Я! Я собирал! Только не убивайте!– хриплым голосом от долгого молчания заорал служка, испуганно дергаясь в сторону.

– Отлично! Диалог налажен! Куда он отправляется говорил?

– Я всего лишь конюх...

– Говорил и нет?– рыкнул Прохор, взвешивая меч на своей огромной руке.

– Скажу! Скажу! Все скажу!– залепетал паренек.– Когда спросил, сколько их Святейшеству овса надобно, то тот сказал, чтоб до Кижы хватило!

– Кижы?– нахмурился государев ближник. Самое дальнее Северное княжество никогда не участвовало в интригах. Ее хитрый и умный правитель, вышедший из купцов Изяслав всегда предпочитал договариваться миром. Зачем же туда направился Рогвольд? Что ему там делать? Хотя от Кижы до Мертвых гор рукой подать... Именно там по слухам укрывался все это время демон Мамон. Может ему-то и вез Печать беглый жрец.

– Именно так! Святейшим клянусь!

– А обет себе, зачем придумал?

– Испужался, что допрос учинят!– быстро пояснил служака, боязливо косясь на меч в руках боярина.– Скажут, помог, значит, в деле был, а помирать на плахе как-то не хочется. Я все новому Святейшему и объяснил... Вот он и посоветовал взять обет.

– Понятно!– кивнул Прохор, зло сплюнув в сторону. Все они одним миром мазаны...– Про то, что знаешь, молчи,– наказал службе ближник,– узнаю, что много болтаешь, язык отрежу, и будешь вечный обет нести, понял?

– А то я не понимаю...– криво и заискивающе улыбнулся ученик жреца.

– Вот и добре! – Прохор широким шагом покинул конюшню, на ходу раздумывая, что расследование уже началось неплохо. И они продвинулись дальше, чем государев Тайный Приказ. Теперь, по крайней мере, было понятно, где искать следы Рогвольда. Киж... Что же ты задумал, князь Изяслав? Или ты вообще не причем?

За этими мыслями Прохор не заметил, как оказался в де-тинце, где уже в полной готовности топтался десяток лучших ближников Великого Князя под предводительством Акима. Сам сын сидел уже в седле, лихо накренившись набок, о чем-то весело рассказывая своим товарищам.

– Отец!– заметив его, воскликнул парень. Разговоры и смех мгновенно стихли. В дружине Прохора боялись и уважали.

– Коня мне!– коротко скомандовал то, запрыгивая в сед-

ло каурого жеребца, напряженно прядяющего ушами перед неблизкой дорогой.

– Удалось что-то узнать?– полюбопытствовал Аким, равняясь с отцом, когда их небольшой отряд выскочил за ворота Стибора.

– Пришлось слегка попотеть,– отмахнулся Прохор, напряженно думая о чем-то.

– Расскажешь?– настойчиво попросил сын.

– Рогвольд отправился в Киж!– сообщил княжеский ближник, покачиваясь в седле.

– Неужели Изяслав все это затеял?– не поверил Аким.

– Вот для этого мы туда и отправимся!– пуская лошадь крупной рысью, сообщил Прохор.

– Кто таков будешь?– сильный удар под ребра заставил меня мгновенно открыть глаза и перекатиться в сторону, приняв боевую стойку. Глаза спросонья не хотели открываться, но даже сквозь их замутненный взор я увидел перед собой троих крепко сложенных стражников в легких кольчужных рубашках до пят. Судя по гербам на высоких островерхих шлемах, дружинники прибыли из Кижя. Один из них, видимо старший, стоял чуть впереди остальных, важно покручивая ус. Именно ему досталась честь разбудить меня добрым ударом по поломанным в бою с василиском ребрам, которые отозвались на столь хамское обращение болезненной ломотой. Я согнулся на левый бок, стараясь не упускать никого из виду, чтобы, не дай Светлейший, кто-то из этих молодцов зашел бы мне за спину.

– А то по мне не видно?– с еле слышным шелестом из-за спины выскочили две острых сабли.

– Отличные у побирушки сабли...– мгновенно оценил один из стражников помоложе, но особого страха в его голосе не слышалось. В силу моего довольно юного вида, они не воспринимали меня всерьез, а тут еще и порванный костюм, да запачканная жилетка, придавали мне вид довольно безобидный.

– Неплохо будут смотреться у меня на стене!– коротко

хохотнул старший, делая еще один шаг вперед, угрожающе хмурясь.— А ну-ка, признавайся, шельма, где украл сабли?

Как можно миролюбивей, я спрятал холодное оружие за спину, обратно в ножны, демонстрируя полную готовность к сотрудничеству. Потянулся за заплечным мешком, который с ночи подложил под голову.

— Куда!— взревел гридень, натягивая в одно мгновение тугую тетиву своего лука.

— Нехай!— махнул рукой уверенный в себе старший, надеясь, что в заплечном мешке у меня отыщется еще кое-что ценное.

Немного порывшись внутри, где среди баночек со снадобьями и мазями, необходимыми варягу в путешествии, лежала грамота из Обители, я ее с триумфальным видом достал ее из недр мешка. Бросил под ноги старшему, предлагая прочесть. Читать тот не умел, но нутром опытного стражника почувствовал неладное. Уж слишком спокойным я был, слишком с надменным видом стоял, ожидая окончания разбирательства. По крайней мере, я надеялся, что вид у меня именно такой, надменный.

Старший коротко кивнул своему гридню, который владел в этом патруле грамотой, предлагая прочесть. Тот долго шурился на желтый пергамент, шевелили про себя губами, разбираясь в старой клинописи, а потом ошарашено заявил своему начальнику, который уже и без того понял, что первая на сегодня добыча от него уплывает:

– Он Варяг!– я с удовольствием поймал на себя испуганный взгляд второго гридня, заросшего могучими мышцами с ног до головы так, будто он и не выходит из детинца.

– А усы?– недовольно поморщился старший, все еще сомневаясь в моем происхождении.– У ловцов за нечистью усы синие, говорят...

– Не отросли еще!– отмахнулся я. Разборка затягивалась. И мне это уже начинало надоедать. Солнце взошло уже довольно высоко, осветив своим ярким светом острые еловые верхушки. Ворота Кижевского тына уже открылись, и в них заспешил торговый люд, не успевший вернуться вчера вечером к их закрытию. Мысль о том, что надо перекусить не давала мне покоя, непонятная печать жгла карман, а тут эти... Я брезгливо сплюнул на землю, нарочно пытаюсь вывести их из себя.

– Коль не верите, проверьте!– от демонстративного плева старший побледнел. Усы заострились кверху, но умом он понимал, что если я действительно варяг, то им в схватке однозначно придет конец. А потому рисковать он не хотел. Вернул грамоту обратно, подавая мне ее вместе с тесьмой, коротко кивнул и процедил сквозь зубы:

– Добро пожаловать в Киж, Варяг!– отменный служака, подумал я про него. И выдержка есть... Однако, в Киче ему лучше больше на пути не попадаться. Судя по характерному прищуру, злобу на меня затаил в душе лютую.

– Благодарю!– кивнул я в ответ, собирая свои скудные по-

житки в мешок. Стражники двинулись куда-то вглубь леса, искать добычу помельче, а я зашагал к воротам столицы самого северного из пяти княжеств.

Киж отличался от всех остальных государств нашего континента. И только то, что наша Обитель располагалась в Мертвых горах, и пейзаж там был ничуть не лучше, чем этот, примиряло меня с этой крепостью. Угрюмые мшистые избы-пятистенки, сложенные из огромных, в два обхвата бревен лиственницы, грязные улицы, виселица посреди главной площади перед княжеским теремом – все это навевало тоску и уныние. По узким дорожкам брели торговые люди в черных и коричневых одеждах, на их лицах ни одной улыбки, я так и не заметил. Все хмуро и строго, словно обратно вернулся в родную Обитель, где варяжский устав превыше всего.

Главная забота местных жителей – это заготовка леса – труд тяжелый и неблагодарный. Покупают его за бесценок, а сил уходит на вырубку много. Может потому кижане столь неприветливый народ. Вот в Агее говорят, все по-другому. Заплываешь в порт, и будто в сказке оказываешься, кругом позолота, церкви с разукрашенными луковками и люди – добрые и улыбчивые.

– Посторонись! Поберегись! – раздался над ухом хриплый раскатистый басок. Мое плечо кто-то задел, я напряженно отшатнулся, но это была всего лишь торговая телега. Кряжистый мужик погонял двух волов, направляя их в сторону

княжеского терема. Телега доверху была набита огромными тюками, сквозь тонкую материю которых виднелись тканевые отрезы, везущиеся на городской торг.

– Поберегись! – прокричал мужик кому-то впереди меня. – Посторонись!

И на лице никаких эмоций, словно демон внутри поселился или кикимора ест изнутри. Взгляд пустой и какой-то обреченный. Решив, что пока осмотра местных достопримечательностей с меня хватит, я поискал взглядом ближайший трактир, где можно было бы уморить чувство голода, которое гложет меня с самого вчерашнего вечера, когда я отправился на охоту за василиском.

Трактир оказался неподалеку. Довольно приличного вида питейного заведение с черной мрачноватой вывеской в стиле, который присущ всему Кижю. На двухстворчатой двери, украшенной массивными бронзовыми кольцами, висела прибитая голова дикого вепря с острыми, как бритва клыками. Пасть оскалена, а глаза, как будто оценивающе разглядывают тебя, сгодишься на обед или нет? Я поежился от неприятного холодка, скользнувшего под рубаху к пояснице, и медленно вошел.

Несмотря на раннее утро, трактир был почти забит до отказа. В самом дальнем его углу шумно попивала медовуху компания гридней, уже изрядно выпившая. По центру расположились местные купчишки с солидным пивным брюшком и окладистым бородками. Левее степенно ужинали постояль-

цы, занимавшие комнаты на верхних этажах здания. Они то и дело неодобрительно посматривали в сторону непрерывно что-то горячо обсуждающих гридней и покачивали головой, поджимая губы. Прямо напротив входа расположилась узкая стойка, за которой суетилась молодая девица, переливающая медовуху из огромных дубовых бочонков в глубокие глиняные кружки. Ее помощница бойко и непрерывно курсировала между ней и столом с дружинниками Кижевского князя. Вообще обстановка мало чем напоминала мрачно-кладбищенскую, царившую на улицах. Удовлетворенно хмыкнув, я нашел себе место возле окна, откуда весь зал был, как на ладони. Жестом позвал половую, прикинув, на что мне хватит честно заработанных в битве с василиском денег. Оказалось трактир этот может радовать не только веселой обстановкой. Но и приемлемыми ценами. С удовольствием я заказал себе кусок жареной оленины и немного морса. Варягам спиртное было противопоказано по многим причинам. Терялась боевая хватка, замедлялась реакция, но самое главное, что действие алкоголя было подобно действию наших снадобий и эликсиров, а значит, вполне мог случиться такой вариант, что после рюмки, другой во мне проснется берсерк, и я начну крушить тут все подряд, включая гостей.

Приятный кисловатый брусничный морс придал немного сил и взбодрил меня, прибавилось немного сил, будто и не ночевал я эту ночь в еловых лапах под открытым небом неподалеку от ворот крепости. Ребра ныть перестали, где-то

на самом краешке сознания, напоминая мне, что схватка с чудовищем вчера далась мне нелегко.

– Оленину придется подождать!– с приветливой улыбкой сообщила мне девушка, призывно виляя довольно соблазнительными бедрами при подходе к столику, за которым я сидел. Мне пришлось согласиться, тем более после такой улыбки отказать было довольно сложно. Служанка отправилась к стойке, а я проводил ее задумчивым, полным тоски взглядом. Некстати вспомнилось правило варягов, постоянно повторяемое Дедом на каждом занятии:

– Любовь и плотские утехи недоступны для варягов! Любовь затмевает разум, секс отбирает так необходимую нам внутреннюю энергию и жизненную силу, потому судьба варяга схожа с судьбой жрецов Светлейшего. Никакого вина! Никаких женщин! Никакой любви!

Эх, жаль... Мелькнула в голове мысль.

– А ну-ка стоять!– взревели за столом у гридней. В сторону полетела табуретка, загремела на поцарапанной столешнице посуда. Горшок с медовухой полетел на пол, разлетевшись с сухим треском на десяток черепков. Из-под стола, мимо ног дружинников стрелой вылетел чумазый малец лет двенадцати, одетый в какие-то обноски, явно с чужого плеча. Он вильнул в сторону, избегая расставленных рук, зацепился за неудачно выставленную ногу одного из купцов, и растянулся во всю длину на заплыванном полу трактира. Гул множества голосов стих. Они, как и я глазели на невразуми-

тельную сцену.

– Стоять, гаденыш!– заорал один из гридней, все еще с идиотским видом хлопая себя по поясу, где виднелась отрезанная веревка, на которой висел кошель, теперь зажатый в маленькой грязной ладошке паренька. Двое из компании обворованного дружинника ловко завернули за спину худенькие руки мальчонки, далеко вывернув их назад, подтянули его беспрерывно хлюпающего сопливым носом поближе к столу. Один из парней с силой выдернул зажатый между тонких пальцев с обгрызенными ногтями кошель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.